

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ САХАРОВ СЫН АТАМАНА

Василий Иванович Сахаров
Сын атамана
Серия «Булавинская
альтернатива», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42594867
Сын атамана:

Аннотация

1707-й год. Войско Донское. По указу царя Петра Алексеевича Романова на Дон послана карательная экспедиция, которая уничтожена казаками атамана Кондратия Булавина. Начинается восстание, гибнут тысячи людей, горят казачьи городки, а восставший атаман убит предателями и царские войска огнем и мечом наводят порядок на землях донских казаков. Так было в нашей истории. Но есть фактор, который может изменить весь ход событий. Это человек из нашего времени, который оказывается в теле готового действовать молодого казака.

Содержание

Пролог	4
1	14
2	29
3	35
4	49
5	54
6	71
7	79
8	87
9	94
10	101
11	108
12	115
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Василий Иванович Сахаров

Сын атамана

Пролог

Украина. Артемовск. 01.08.2010.

Сегодня я проснулся как обычно. Посмотрел в потолок родимой отцовской хаты, и помянул недобрым словом еще один день. Затем с усилием поднялся с кровати, босиком прошлепал по полу, подошел к окну и окинул взглядом двор.

Все неизменно. Поросший травой двор. Покосившийся забор из ветхого штакетника, пустая собачья будка и раскидистая яблоня с обломанными ветками.

«Опять соседу на бутылку самогона не хватало, и он в ночь урожай собирал», – подумал я, глядя на бедное дерево, и тяжело вздохнул.

Старость не в радость. Был бы молодой, дал бы этому спившемуся алконавту Митьке в морду, а сейчас уже не смогу. Ни сил нет, ни здоровья, ни желания. Устал.

Я прошелся по комнате. Осмотрелся, переложил стопки книг, которые лежали на продавленном диване и, как это всегда со мной случалось по утрам, подумал, что давно пора навести в хате порядок. Только для чего это делать и ра-

ди кого? Век прожит, и через пару дней мне стукнет восемьдесят лет. Юбилей. Круглая дата, достойная чтобы ее отметили. Но максимум, что случится, звонок от сына, который проживает в Киеве, да и то, вряд ли. Ему некогда. А еще была дочь. Только ее, мою умницу, красавицу и любимицу, я проклял словно последнюю падлюку, недостойную жизни, и на это были веские причины.

Теперь я один, доживал отмерянный судьбиной срок, и все что мне оставалось, вспоминать прошлое. Ради чего я жил и всегда ли правильно поступал? Ответа нет. Хотя за плечами многое. Босоное детство. Война. Оккупация. Освобождение. Голодное послевоенное время. Работа на соляных промыслах. Служба в армии. Комсомол. Учеба в МГУ на историческом факультете. Первые очерки в серьезных журналах. Первая любовь и перспективы. А потом все исчезло. Случайная встреча с Львом Николаевичем Гумилевым повернула мою судьбу на сто восемьдесят градусов, и я посмел по-новому взглянуть на исторические события прошлых веков. Зарывшись в архивы, много работал и написал несколько зарубленных редакторами статей. Кинулся доказывать свою правоту. Доброжелатели позвонили куда положено и, как итог, арест. После чего не жизнь, а дурной сон. Тюрма, допросы и 5-го марта 1950-го года Иван Михайлович Богданов был приговорен к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагере особого назначения. Шесть лет как в тумане, мытарства по зонам, и единствен-

ное, что было светлого в эти годы, общение с самыми разными людьми, среди которых снова оказался Лев Гумилев.

Многое мы с ним обсуждали, и зачастую наши взгляды на события минувших веков не совпадали. Но это и понятно — мы люди из разных миров. Я простой трудяга с казацкими корнями, историк-недоучка, а он дворянин, потомок хана Гумила, человек с именем и сын великих поэтов. О многом мы тогда спорили, и порой доходило до того, что неделями не разговаривали. Однако в одном всегда сходились. Настоящая история подменена, и то, что мы пытаемся вытащить на поверхность, дабы приоткрыть людям частицу великого прошлого, правительству не нужно. При этом не важно, какому правительству. Цари из рода Романовых прятали истину и переписывали историю, дабы свою власть и право на престол укрепить. А коммунисты действовали так же, ибо все, что происходило до них, должно считаться мракобесием и вековой тьмой. Правда, допускались редкие проблески и в тяжкую пору, дабы поднять боевой дух населяющих Россию народов, снимались патриотические фильмы о героях минувших эпох. Но это исключения из правил, и дело здесь не только в России. Проблема касается всего человечества, и те же самые демократы, либералы, республиканцы или фашисты, никогда не были заинтересованы, чтобы народ знал истинное прошлое. Знание для избранных, а рядовые граждане должны делать, что им говорят, поменьше рассуждать и кушать овес. Как правильно и верно говорил доктор Геб-

бельс: «Отбери у народа его историю, и ты подчинишь его». В чем-чем, а в этом он был прав на все сто процентов.

Года летели, умер «великий вождь и учитель» товарищ Сталин. На вершину пирамиды, под названием власть, взобрался Хрущев, и настала пора амнистий. Освободили меня в марте 56-го, реабилитировали как жертву репрессий, но, тем не менее, доучиться не дали, а направили в родной Артемовск, некогда Бахмут. После возвращения из «мест не столь отдаленных» я устроился в среднюю образовательную школу учителем, преподавал историю и литературу, а помимо этого, как консультант, принимал участие в археологических раскопках. Поначалу хотел найти нормальную работу и забыть все, чем горел и дышал. Однако зона меня надорвала. Жить мог, а вот полноценно трудиться, например, в той же самой шахте, или на заводе, уже нет. Все порывался что-то изменить, а потом женился, родились дети, и я успокоился.

Так, тихо и мирно, я дотянул до пенсии. Грянула перестройка, и я оказался в независимой Украине. Помнится, на волне демократических свобод некоторые мои труды хотели напечатать. Как ни посмотри, я жертва политических репрессий. Однако не сложилось.

Со временем схоронил жену. Сын уехал в столицу, и сейчас мелким клерком в банке заседает, а дочь..., про нее вспоминать не хочу, одно слово – тварь. И теперь, все что мне остается, кряхтя и постанывая, оставшись один на один со старостью, доживать свои годы, и радоваться тому, что, не

взвизывая ни на что, я все еще могу самостоятельно передвигаться и сохраняю ясный рассудок.

Мысли в голове скользили неспешно и равномерно, а тело выполняло нехитрые привычные действия. Я почистил зубы, сбрил щетину и приготовил нехитрый завтрак.

Все шло своим чередом, и когда я собрался выйти во двор, неожиданно зазвонил мобильный телефон, самая простенькая модель с большими кнопками. Сердце радостно захолонуло. Пашка! Сын! Помнит про отца! Позвонил! Ай, молодец!

– Слушаю.

Ожидая, что услышу родного человека, я ответил на вызов. Однако голос был женский и совершенно незнакомый.

– Иван Михайлович Богданов? – спросили меня.

– Да, это я.

– Ой, как хорошо, что вы еще живы, – заторопилась женщина.

– А уж как я этому рад, вы себе представить не можете, – усмехнувшись, сказал я.

– Извините, – незнакомка сделала паузу, кого-то окликнула и спросила: – Вы слышите меня?

– Слышу.

– Меня зовут Алла Сергеевна Кузнецова, я эксперт по оценке предметов исторического наследия из Киева. У нас возникла нештатная ситуация. При раскопках в ваших краях была обнаружена некая вещь, и вас рекомендовали как

хорошего знатока древностей.

– Было такое, я осматривал некоторые предметы. Но это еще при советской власти. Столько лет прошло...

– Ничего. Это даже хорошо, что у вас старая закалка и навыки. Мы с помощником сейчас в Артемовске и, если вы не против, я сейчас подъеду.

– Хорошо, жду вас.

Связь прервалась, и я подумал, что так и не сказал Кузнецовой свой адрес. Хотел перезвонить, а денег на счету нет. Заволновался, но зря. Спустя пятнадцать минут после разговора к моему двору на окраинной улочке Артемовска подъехала шикарная черная иномарка, из которой вышли двое. Первый, крепкий широкоплечий парень с небольшим кожаным чемоданчиком в руках, несмотря на теплую осень, в сером свободном костюме. Второй гость, наверное, та самая Кузнецова, миловидная русоволосая женщина в легком сарафане, слегка полноватая, но в движениях легкая, порывистая и резкая.

– Здравствуйте уважаемый Иван Михайлович, – открыв хлипкую калитку, женщина вошла во двор, и за ней последовал парень.

– Здравствуйте, – ответил я и уточнил: – Алла Сергеевна, насколько я понимаю?

– Да-да, я Кузнецова, – она остановилась и спросила: – Где бы мы могли пообщаться?

– Пойдемте в беседку.

Через минуту мы расположились в уютной виноградными лозами беседке. Присели за стол. Гости расположились с одной стороны, а я с другой. Парень поставил на столешницу чемоданчик, раскрыл его и положил передо мной большой белый платок, в который было что-то завернуто. Прикоснуться к нему я не стал, а только посмотрел и спросил:

– Что вы принесли?

Кузнецова развернула ткань и сказала:

– А вот это мы и хотели бы узнать.

Достав из нагрудного кармана рубахи очки, я посмотрел на находку. Темный металлический диск, выглядит как новенький, в диаметре семь-восемь сантиметров, украшен листовным узором по краю и фигуркой волчьей головы по центру. Над головой волка вареное колечко, видимо, диск носили на шее. Работа тонкая и очень кропотливая, большой мастер трудился. Судя по всему, металл черное железо, которое практически не ржавеет, а значит работа древних тюрок, как их называл Гумилев, тюркотов. Если это так, а скорее всего, я не ошибаюсь, данный предмет сделан очень давно и стоил миллионы долларов.

Я перевернул диск и с другой стороны обнаружил то, что увидеть не ожидал. Тот же самый узор по краю, но по центру не волк, а руна, которая у скандинавов называлась Одал, и обозначала родство людей по принципу крови.

Раньше, хотя бы лет десять назад, держа в руках подобную вещь, которая еще раз доказывала проникновение культуры

древних тюрок в северные и славянские народы, я прыгал бы от счастья, а сейчас перегорел. И спокойно положив талисман обратно на платок, я спросил Кузнецову:

– Итак, что вы хотите знать?

– Сколько лет этому предмету, хотя бы приблизительно? Каково назначение? И кто его создал?

– А где вы его нашли?

– В Часов Яре, на раскопках. Там же, в краеведческом музее узнали о вас, и вот мы здесь.

– Кое-что про этот предмет рассказать можно. Во-первых, это талисман степного шамана или вождя и предмету не меньше пятнадцати веков. Назначение его мне неизвестно, истинные тюрки в основном симпатической магией баловались и оборотничеством, а тут нечто иное. Вот, в общем-то, и все.

– Мало, но уже кое-что. Про руны можете что-то сказать?

– Одна из самых распространенных рун, которая у славян называлась Род, а у скандинавов Одал. Кроме того, она использовалась тюрками и до сих пор в чести у народов, сохранивших степную традицию, например у башкир, киргизов и племен Севера. Руна обозначает семью, близких людей и родную кровь. Используется мистиками и гадалками. Во время Второй Мировой Войны была эмблемой главного управления СС по вопросам расы, а также использовалась дивизиями «Принц Евгений» и «Нидерланды».

– Интересно. Что-то еще?

– Пожалуй, что нет. Отвезите этот талисман в Москву и обратитесь к ученикам Льва Николаевича Гумилева. Наверняка, профессионалы расскажут больше, чем провинциальный любитель.

Говоря это, я еще раз взял талисман, и неожиданная боль пронзила мои пальцы. Посмотрев на пальцы, я увидел, что они в крови. Как порезался, и сам не заметил.

Кузнецова схватила платок, перегнулась через стол и попыталась остановить кровь, но почему-то у нее ничего не вышло. Красная жидкость лилась на стол потоком, словно были повреждены не пальцы, а основные артерии. Кровь забрызгала талисман и, теряя сознание, я услышал в своей голове некий обезличенный голос:

«Чую родную кровь. Скажи, что ты хочешь, потомок?»

Как бы отреагировал на это обычный человек? Наверное, решил бы, что у него бред и галлюцинация. Но кое-что в своей жизни я видел, и слишком много знал о наших предках, которых принято считать дикарями. И, понимая, что ничего уже не поправить, моя кровь разбудила спящую в металле сущность, я выдохнул:

«Хочу, все изменить».

«Попробуй, потомок».

Голос произнес эти слова и последнее, что я запомнил, испуганное лицо Кузнецовой, которая что-то кричала, и слышит вскочившего парня. Затем провал в темноту и полет в полной черноте. Меня выворачивает наизнанку, я кричу от

боли и теряю сознание.

Войско Донское. Река Бахмут. 01.06.1707.

– Никишка тонет!

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что нахожусь в реке, тону и в рот попадает вода. Рядом кто-то орет истошным голосом. Берег всего в двадцати метрах, можно легко доплыть. Однако по какой-то причине ноги меня не слушались.

Мои ладони ударили по воде. Я постарался удержаться на поверхности, но не получилось. Что странно, руки у меня не те, что прежде, не старые, морщинистые, артритом побитые, а молодые, ребячьи, точно такие, какими они были в далеком детстве. От такой странности я даже растерялся, оставил попытки спастись и сразу пошел на дно.

Голова оказалась под водой. И в мутной непроглядной серости, которая меня окружила, ничего не разглядеть.

Рывок вниз! Своими новыми руками я провел по ногам и понял, что они запутались в рыбацких сетях. Постарался высвободиться, и у меня получилось.

Сети ушли на дно, а ноги получили свободу. Ладони загребли воду, тело поднялось наверх, и я оказался на поверхности. Рот судорожно ловил воздух, и я осмотрелся.

Небыстрая река. Пологий берег, который зарос кустарником, и на нем группа мальчишек. Вихрастые головы мелька-

ли в кустах, перекликались и, увидев меня, один парень бросился в реку.

Мальчишка делал размашистые гребки, подплыл ко мне и спросил:

– Ты как, Никиша?

– Живой.

Я ответил и осознал, что мне известно имя паренька. Его звали Ванька. А так же я понимал, что мое имя, в самом деле, Никиша. Если точнее, Никифор и фамилия моя Булавин.

Вот это да. Ведь только что я находился в своей хате, в беседе разговаривал с Кузнецовой и талисман древних степных шаманов в руках вертел, а тут на тебе. Сейчас в реке, у меня ничего не болит, и выгляжу я не стариком-развалиной, а худощавым черноволосым мальчишкой. В голове шумит, но, наверное, это оттого, что под водой слишком долго пробыл.

– Погребли к берегу, – сказал Ванька.

– Давай, – согласился я, и мы поплыли к остальным мальчишкам, которые смотрели на нас.

Вдох! Выдох! Руки под углом входили в речную гладь. В теле чувствовалась крепость. Мышцы ныли приятной тяжестью и так хорошо я не чувствовал себя уже очень давно.

Ноги коснулись илистого дна и совершенно голые, пошатываясь, мы с Ванькой выбрались на берег.

Пять загорелых парней окружили меня и засыпали вопросами:

– Никиш, а что там было?

– Водяной, да?

– А какой он, зеленый?

– Страшный?

– Да ну, какой водяной, – ответил я, и направился к небольшому костерку, который находился в кустарнике. – Решил окунуться, а ноги в старой сети запутались. Еле отцепился.

От меня отстали. Я подошел к костру, который был обложен несколькими булыжниками, нашел свою одежду – знаю, что она именно моя, и натянул темно-серые выцветшие шаровары. Следовало немного побыть в одиночестве и переосмыслить, что со мной произошло. Поэтому, присев на бревно возле костра, я стал смотреть на огонь, и сам себе задавал вопросы.

Что случилось? Где я? Как такое возможно, что мой разум в ином теле, и почему я ощущаю себя не только Иваном Михайловичем Богдановым, но и Никифором Булавиным? Помню талисман и короткий диалог с непонятной сущностью в нем, а затем провал памяти, темнота и сразу река.

Спокойно. Без паники. Непосредственная опасность мне не грозит, рядом никого, а значит можно спокойно и без криков: «Помогите!», разложить ситуацию на составные части и попытаться проанализировать, что со мной произошло.

Итак, никому ненужный, всеми забытый инвалид и пенсионер Иван Михайлович Богданов оказался в теле моло-

дого парнишки. Колдовство? Магия? Сила предков? Научный эксперимент инопланетян? Неизвестно. По этой причине данный вопрос пока в сторону. Принимаю происходящее как данность и размышляю далее. У меня новое молодое тело, которое послушно как родное. Желания, мысли, чувства и воспоминания мальчишки стали моими. Точно так же, как и все, что знал Богданов, знает он. Мы как будто сплавились в одну массу. Симбиоз. Нет явного разделения на «он» и «я», мозг един. Хорошо это или плохо? Пока непонятно. Однако паники нет, что осталось во мне от Никифора чувствует себя естественно, и только суть Богданова беспокоится. Вот ведь как, уже отделяю себя от этого человека. Забавно. Немного страшно, но одновременно с этим интересно.

Мелькнула мысль. Как вернуться обратно? И тут же, следом, другая. Зачем возвращаться, а главное – куда? В тело больного и никому ненужного старика, которому жить осталось год-другой? Нет уж, сложившаяся ситуация меня полностью устраивает. Тем более, что я очень быстро осознавал себя совершенно новой личностью, которая при возвращении, наверняка, будет потеряна. Судьба и некая магическая сила дали мне шанс прожить новую жизнь, и был бы я полным дураком, если бы пренебрег таким подарком.

Кто я, тот новый человек, получившийся из двух? Никифор Булавин, тринадцать лет, проживаю в казачьем городке Бахмут, сын атамана Кондратия Булавина. Что характерно, сейчас на дворе лето 1707-го года. Вот это да! Получается,

переброс старого сознания произошел не только в тело, но и в другое время, на триста с лишним лет назад. С одной стороны это серьезно, а с другой, на общем-то фоне, вполне допустимая шутка судьбы. Не надо на этом заикливаться.

Решено, на данную тему постараюсь больше не думать, а сосредоточусь на настоящем.

Что я имею от личности Богданова? Много. Во-первых, знание российской истории, и пусть старик специализировался на древностях, как школьный учитель он преподавал весь курс предмета, от каменного века до современности, и про восемнадцатый век знал немало. Кроме того, у него имелся огромный жизненный опыт, который можно использовать. Это служба в рядах Советской Армии, простым пехотинцем, но все же. Школа, работа, семья. А помимо того, как ни странно, память об отсидке на спецзоне, где он получил такой багаж знаний, какого ни в одном университете не получишь, поскольку в заключении зэка Богданов общался с самыми разными слоями лагерного контингента. Тут тебе и власовцы-красновцы с эсэсовцами. И советские командиры с интернационалистами-коминтерновцами. И сектанты со священниками. И раскольники с националистами. И партработники высшего звена с ворами в законе. И сионисты с антисемитами. А кроме них ученые, музыканты, литераторы, шпионы и вредители, как мнимые, так и настоящие. Ну и прочие люди, среди которых были как хорошие, так и плохие, как глупцы, так и мудрецы.

Теперь, что касательно Никифора. Кажется, что может знать и уметь паренек в тринадцать лет? Не очень много. Но это только на первый взгляд. К своим годам этот мальчишка, человек своего времени и природный казак, уже был превосходным наездником, хорошим стрелком и неплохо владел саблей. И это все, помимо знаний об окружающем мире, которые моя новая личность от него получила.

Как ни посмотри, задел на будущее неплохой. Конечно, я не перенесся в тело короля, императора или принца крови, но и то, что есть, иначе как чудо, не назовешь. Сплав двух сознаний. Порывистость мальчишки и осторожность старика. Пытливый ум и опыт. Решительность и знания. Устраивает меня подобная ситуация? Остался бы чистым Никифором или Богдановым, скорее всего, она бы мне не понравилась. Но я симбиоз двух людей. Следовательно, меня все устраивает.

Мысли немного улеглись и приняли более или менее стройный вид. Я подкинул в костер сучковатую палку и прислушался. Где-то на реке шумели мальчишки, которые шарились вдоль берега в поисках раков. Рядом по-прежнему никого и, пользуясь моментом, я вернулся к своим думам.

Как жить дальше и что меня ожидает в будущем? По-хорошему, плыви по течению и радуйся. Молод, свободен и имеешь за плечами некоторый жизненный опыт, который ни за какие деньги не купишь. Однако не в самое лучшее время я попал на Дон. Царь Петр Романов, в народе более из-

вестный как «царь Ероха», воюет со шведами и реформирует страну. Действует жестко и, можно сказать, жестоко. Русских мужичков, за красивые понты перед западом, тысячами в землю укладывает. И там, где можно ситуацию решить дипломатическим путем, а перемены в жизнь страны ввести без насилия, он ломает людей и загоняет недовольных под ярмо. Дворяне, ладно, их не так уж много на Руси, и этим есть что терять. А мужик, у которого последнее отбирают, таким положением дел недоволен. Поэтому, дабы выжить, он делает, что может, и идет на крайние меры. Режет бояр, уходит в леса и бежит в те края, где, как ему кажется, можно стать вольным человеком, а не бессловесной скотиной, то есть на Дон.

Понятно, что царь на эти безобразия был просто обязан реагировать. А реакция его была простой. Всех поймать. Зачинщиков пытать и вешать. Остальным рвать ноздри, каждого заклеить, словно животное, и вернуть хозяину. Кто не в состоянии перенести дальнюю дорогу на Русь, а это дети, старики и калеки, на месте прикончить. Вот тебе и реформатор, который по сути своей хуже чужеземного врага. Того хоть в лицо различаешь и понимаешь, что его надо убить. А этот говорит, что о благе государства заботится, и в бой против тебя не только наемника кинет, но и муштрой забитых русских солдатиков пошлет. Что тут скажешь? Со своей стороны Петр Романов прав – он самодержец Всероссийский, для которого все люди, живущие под его властью,

просто рабы. А с точки зрения народа – нет.

Сейчас лето 1707-го года. Что дальше? А дальше будет большая кровь. Поздней осенью на Дон пожелует князь Юрий Владимирович Долгорукий с карательным отрядом и станет вылавливать беглых людишек. Ладно бы он вел розыск, как это делали до него стольники Пушкин и Кологривов, да тамбовский дворянин Бехтеев. Атаманы донские прикрыли бы ему глаза звонкой денежкой и отребье всякое выдали, от которого на казачьих землях одно беспокойство. Но не таков князь Юрий. Он спесив, заносчив и желает выслужиться, а значит, кинется на людей как дикий зверь, и разницы между казаком или вчерашним холопом увидеть не пожелает. Много зла князь натворит и как воздаяние за беспредел, будет убит, а казаки и беглые, что характерно, под кумачовыми, то есть красными, знаменами поднимут восстание.

Царский отряд разобьют и распылят. Восстание возглавит отец Никифора, бахмутский атаман Кондратий Булавин. Жертв среди солдат и драгун будет мало, ибо у казаков к рядовым служакам претензий не было, выпороли, оружие отобрали и отпустили. Казаки возьмут Черкасск и казнят нескольких изменников из казацкой верхушки. Затем войско разделится и начнет наступление на Изюм, Царицын, Тор и Азов. Почти везде казаки и крестьяне будут отбиты, им не хватило мобильности и решительности, и из крупных городов они захватят только Царицын.

Петр Романов подавление восстания возьмет под особый контроль и смерть Юрия Долгорукого не простит. Новые карательные отряды выступят на Дон. Драгуны, пехота, пушки, калмыки хана Аюки и татары. И может быть казаки смогли бы отбиться, силы для этого были и предпосылки имелись. Но в спину бунтовщикам ударили предатели. Богатые казаки из «низовых» испугались репрессий, окружили дом Булавина в Черкасске и в результате боя лидер восстания был убит. С ним вместе погибла дочь, которая сражалась как воин, и пять казаков охраны.

После смерти вождя среди восставших начались разброд и шатания. Единой власти не стало, и каждый потянул одеяло на себя. Одни сражались и гибли. Другие бежали на Кубань, нашли приют во владениях крымского хана и лишились родины. А что касается мирных жителей, оставшихся в станицах и городках, только по официальным документам, таких погибло около сорока тысяч человек, преимущественно женщины и дети, среди которых оказалось много тех, чьи мужья и отцы в это время воевали против шведов в армии царя. В жертвы не были включены беглые, которых вернули боярам. И если подсчитать общее количество павших в боях и казненных, только за один неполный год Россия потеряла под сто тысяч убитых, и примерно столько же людей покинули родину.

В конце про меня, точнее сказать, про парня, в теле которого я оказался. По одной версии его убьют в бою. По другой

запытают в застенках царские палачи. Оно мне надо, такой конец? Нет, не надо. Значит, придется суетиться и думать о том, как в живых остаться и близким людям хорошо сделать.

«Надо же, родня Никифора Булавина мне уже близкие люди, — снова отметил я. — Сплав сознаний в действии, а иначе это никак не объяснить.

Интересно, получится изменить историю? Ясно ведь, что одному человеку потянуть такое дело практически невозможно. Хотелось бы, чтобы среди тех, кто близок тебе по крови было как можно меньше жертв. Возможно ли такое? Пока не попробуешь, не узнаешь. Впрочем, время пока есть, надо присмотреться к людям, определиться в своем отношении к тем или иным событиям, а только потом думать, что можно сделать.

— Отогрелся?

Прерывая мои размышления, к костру подошел Ванька Черкас. Тот самый паренек, который в воду бросился и хотел мне помочь.

— Да, — ответил я и спросил: — Как раки, всех переловили?

— Разве всех переловишь? Взяли сколько надо.

Подняв глаза к небу, я посмотрел на солнышко, которое клонилось к закату, и сказал:

— Дело к вечеру. Пора к дому.

— Так я чего и подошел. Двинули?

— Айда.

Вскочив на ноги, я собрал свои вещи, простенькую лата-

ную рубаху с поясом и накинул все это на плечо. Мы дождались остальных добытчиков и направились к Бахмутскому городку. Шли недолго. По редкому леску поднялись на пологий склон и вскоре оказались на месте...

Город Бахмут был самым обычным сторожевым постом на границе Войска Донского на пятьсот жителей. Частокол, пара деревянных башен, ворота и широкая улица от них. Ноги сами несли меня к дому атамана, веселые и довольные удачным походом на реку мальчишки рассыпались, а я, оставшись один, вышел на майдан и вскоре оказался на широком справном дворе, который обнесен плетнем.

Все совпадает с воспоминаниями Никифора, покинувшего двор рано утром, пока его не застучали сестра или мачеха Ульяна, вторая жена батьки. Кругом чистота и пара работников из тех, кто от бояр сбежал, заняты своими делами. Посреди двора стояла большая просторная изба, в воздухе витал вкусный запах жареной рыбы, и в животе заурчало так, что это было даже слышно.

Пока меня не обнаружили, я обогнул дом, вышел к летней кухне, где стояла печка, и полностью положился на реакции Никифора.

Шаг. Другой. Третий. Осторожно заглянул на кухню. Никого, и это хорошо. Заскочил внутрь и выхватил из духовки, где стоял противень, большого пропеченного судака. Рядом несколько чистых тряпиц, завернул рыбу в одну из них, и собрался покинуть кухню, когда меня резко схватили за правое

уху, и язвительный женский голосок, который я определил, как голос сестры Галины, поинтересовался:

– И куда это ты собрался?

– Отпусти.

Вырвавшись, я отскочил в сторону, улыбнулся и впервые в своей новой ипостаси увидел сестру. Симпатичная фигуристая брюнетка с двумя косами за плечами, чем-то похожа на меня, или я на нее. Сразу заметно, что мы родня.

Я улыбнулся, Никифор всегда так делал, когда его ловили. А Галина, напротив, нахмурилась и, уперев руки в бока, изобразила строгость. Однако заметно, что и она тоже хотела улыбнуться. По душе прокатилась добрая теплая волна, реакция младшего Булавина, а значит, теперь и моя.

– Так куда ты собрался? – повторила свой вопрос сестрица.

– Проголодался. Думал, перехватить чего до ужина.

– Где весь день шлялся?

– На реке, раков ловил.

– А улов тогда где?

– Где-где? В реке плавает.

Делаю попытку проскользнуть к выходу, но Галина девка быстрая и ловкая. Одно движение ногой по полу и, чуть не попавшись на подножку, я отскочил назад.

– Ладно, – сестра направляется к печи. – Ложи рыбину на место, и ступай в чистое переодевайся.

– Чего так?

– Гости у нас. Друзья батькины, есаулы верховские, приехали, Филат Никифоров и Григорий Банников. Сейчас они в приказной избе, а вечером у нас будут.

– Наверное, и Андрей Мечетин с ними? – вспоминая молодого казака из ближних к Банникову людей, который с сестрой при прошлой встрече перемигивался, спросил я.

– А тебе-то что?

– Да так, интересуюсь.

– Быстро переодеваться.

В голосе старшей сестры прозвучали приказные нотки, и Никифор знал, в такие моменты, надо делать, что говорят, и не бузить.

Я вернул судака на противень и направился в дом. Прихожая, светлица и три комнаты. Вот и все жилье атамана. На стенах ковры, турецкие и персидские, столы, сундуки, лавки, большая печь, в холода согревавшая домочадцев, и покрытые слюдой окна. Вроде небогато, но функционально. Места всем хватает, тем более что у атамана это не единственное пристанище, и помимо дома в Бахмуте, имеется каменный в Черкасске, да в станице Трехизбянной деревянная изба. Для человека со своими солеварнями, пасаками, лесопилками и рыбными ловлями немного. Только надо учитывать, что не вся прибыль шла Булавину в карман, и деньги он тратил не только на свои нужды, но и на казаков, готовых в любой момент поддержать его в любом деле.

Из светлицы, отодвинув занавеску, я прошел в свою полу-

темную комнатку. Из сундука, стоявшего рядом с широкой лавкой, на которой спал, достал чистую рубаху, шаровары и сапоги. Быстро переоделся, грязную одежду скинул в угол, и вышел на крыльцо. И как только я там оказался, во дворе появилась троица весело переговаривающихся казаков, при саблях, но без огнестрелов.

Верховские есаулы Банников и Никифоров, загорелые мужчины лет под тридцать пять с курчавыми головами. Третий сам хозяин подворья, отец моего реципиента, Кондратий Булавин. Средних лет, красивый чернобровый и вихрастый человек. Одет в бархатный кафтан нараспашку. На ногах новые кожаные сапоги. За кушаком сабля, а в левом ухе большая золотая серьга. Идет по земле мягко, вроде как все, а в то же самое время будто крадется. По ухваткам всегда готовый к битве воин и, одновременно с этим, франт, который любит себя показать. Примерно так его современники и описывали. Теперь посмотрим, каков атаман в жизни.

– Как день прошел, Никиша? – проходя мимо, спросил батя.

– Хорошо.

– Ну и ладно. Поторопи Ульяну и Галину с ужином, а то мы голодные как волки. Да, братья? – атаман поворачивается к есаулам.

– Да-а! – поддержали они своего старшего товарища и рассмеялись, видимо, какой-то одной им известной шутке.

Атаман скрылся в доме, есаулы следом. На ходу они о чем-

то переговаривались, а я грел уши, и старался понять, о чем речь. Разговор обычный. Торговля, оружие, сходить в налет на крымчаков и сколько стоит печать азовского воеводы на некий документ. Всего несколько случайных слов, а информации к размышлению на полчаса.

Речь Посполитая. Люблин. 06.06.1707.

Государю снился сон.

На площади солдатской слободки в Преображенском, в самом ее центре, стоял помост с черной плахой. Молодой царь Петр Романов и его генералы на лошадях находились рядом, и наблюдали за тем, как строй солдат с мушкетами наперевес, под мерный бой барабанов, выстраивался в ровный четырехугольник.

Неожиданно с примыкающей к площади узкой улочки слышались резкие звуки. Щелчки бичей и пьяные выкрики. Все внимание всадников сосредоточилось в этом направлении. И вскоре к помосту выехали запряженные шестью парами горбатых свиней сани, на которых стоял некогда роскошный гроб. Идущие рядом солдаты стегали животных плетьюми, а ряженные скоморохи их направляли. За этой процессией толпой валил любопытный московский народ. Кто-то причитал, иные плакали, а подавляющее большинство горожан угрюмо молчало.

Царь подъехал к саням, и его рот исказила нервная злоедающая гримаса. Топорами и палашами солдаты вскрыли гроб, и Петр Романов увидел наполовину истлевшее тело своего ненавистного врага Ивана Михайловича Милославского.

После смерти этого знатного человека минуло много лет, а ненависть к нему так и не оставила сердце Петра. Самодержец Всероссийский молчал и не двигался. Тревожная тишина накрыла площадь, смолкли барабаны и любопытствующие люди, пришедшие посмотреть на потеху, не издавали ни единого звука.

Наконец, царь сглотнул и плюнул на труп, а затем резко взмахнул рукой, и солдаты потянули гроб под помост. Прелюдия была окончена, и наступило время основного действия – казни. Всю церемонию предстоящей экзекуции царь разработал сам, и как только гроб с телом умершего двенадцать лет назад боярина затянули под помост на него стали вытаскивать тех, ради кого он был построен. Заговорщиков, которые хотели скинуть Петра Алексеевича с престола.

Первыми из темницы Преображенского приказа на свет божий выволокли Цыклера и Соковнина, а за ними следом Федора Пушкина и двух стрелецких пятидесятников. Тела всех пятерых были изломаны пытками, покрыты кровавыми коростами, а взгляды изменников не выражали ничего – просто тоскливые безучастные взоры готовых принять свою участь людей. Петр был разносторонним человеком и толк в пытках знал. Порой он лично принимал в них участие, и в этом дознании, которое самодержец считал чрезвычайно важным, не погнушался поработать за палача.

Снова взмах царской руки, и настал черед следующего акта драмы.

Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, как всегда в пьянейшем виде, запинаясь и срыгивая, прочел приговор, а затем на эшафот потянули первую жертву – стольника Пушкина. Его участь была самой легкой. Палач быстро обезглавил боярина и скинул отрубленную голову в большую корзину подле плахи. Следом вытащили Цыклера, который, как и Соковнин, был приговорен к четвертованию.

Толпа москвичей ахнула. Цыклера прижали к плахе и опытный палач двумя ударами топора отсек бывшему полковнику руки. Казненный задергался, и на него навалились подпалачики, а мастер отрубил жертве ноги. Кровь, хлеставшая из тела Цыклера, стекала на помост и сквозь большие щели ручейками струилась на тело Милославского. Помощники палача подобрали отрубленные конечности и скинули их в корзину поверх головы Пушкина. После чего такая же участь постигла и Соковнина...

На этом моменте Петр Первый, царь и самодержец российский, проснулся. И в его мозгу пронесся ворох беспокойных мыслей:

«Опять этот раз за разом повторяющийся сон. Были и более страшные дела в моей жизни, но почему-то, снится именно казнь в Преображенском. Проклятый Иван Милославский и с того света заставляет себя бояться. Тварь! Ненавижу!»

Узорчатым покрывалом царь вытер со лба пот и встал. Он подошел к зеркалу, зажег пару свечей и посмотрел на себя.

Рот искривлен. Из него некрасиво стекает слюна. Губы трясутся, а глаза навывкате. Высокий сутулый человек в ночи. И если бы кто-то мог его сейчас видеть, то вряд ли признал бы в нем повелителя миллионов людей.

«Опять нервные судороги. Всю жизнь они мучают меня», – подумал царь, рукавом ночной рубашки смахнул слюну, повернулся к висящей в углу иконе и спросил:

– За что, Господи?

Как всегда, ответа не последовало. Однако привычный вид походной иконы успокоил Петра Алексеевича. И понимая, что уже не заснет, он присел к столу, на котором лежали стопки не разобранных с вечера бумаг. Царь попытался настроиться на рабочий лад, и начал по очереди их просматривать.

Сплошные проблемы: жалобы, доносы и прошения. Как всегда. Крестьяне бегут, чиновники воруют, бояре недовольны и плетут заговоры, солдаты мрут от болезней и бескормицы, а реформы стоят на месте и саботируются. Как же медленно все изменяется, и насколько проще европейским королям: народ тих, все работают и никто не выказывает упрямства или возмущения. То ли дело дикая Русь, в которой волей Господа он правитель. Самодержец снова на мгновение вернулся в прошлое и вспомнил казнь стрельцов, даже перед смертью чувствующих себя правыми. Особенно, запомнился тот кряжистый седовласый десятник, который подошел к плахе и спокойно сказал: «Отойди Государь, я здесь лягу».

Упрямцы и бунтовщики, которые держатся за свой традиционализм и постоянно тыкают его примерами из времен правления царя Ивана Четвертого Грозного, который реформировал страну, но на свой лад, а не на западный. Кругом измена, народ глуп, а дворяне, все эти Куракины, Пушкины, Голицыны, Черкасские, так и жаждут его смерти. Каждый хвалится родством, если не с Рюриковичами, так с Гедиминовичами, и рвется к власти. Не то, что в прекрасной Вене или спокойной Пруссии, которую Петр посетил с посольством как раз после казни полковника Цыклера.

Вновь этот полковник вспомнился. Опять возврат в прошлое, которое не хочется вспоминать. Цыклер подговаривал стрельцов Стремянного полка к бунту, да еще и поддержкой донских казаков заручился. Обещался им вернуть времена Разинские. Подлый раб! Против помазанника божьего восстать хотел, да не вышло у него ничего.

«Боже, сколько же врагов у самодержавия российского. Смерть им всем, изменщикам!»

Петр принялся опять просматривать документы: бегство солдат, бегство рабочих и опять бегство крестьян. И почти у всех одна дорога – в степи, на Дон.

«Хватит терпеть вольницу, – решил царь. – Пока есть время между сражениями с Карлусом Шведским, надо задавить казаков, а беглых холопов на стройки и поля вернуть».

Отбросив бумаги в сторону, он крикнул:
– Алешка, бегом сюда!

Потирая заспанные глаза, в комнату вбежал царский секретарь Алексей Макаров.

– Звал, государь? – спросил Алешка.

– Спишь каналья, а государь работает? Садись, указ писать будем.

Алешка присел за стол, приготовил письменные принадлежности и бумагу, повернулся к царю и спросил:

– Что писать, государь?

– Указ на имя князя Юрия Владимировича Долгорукого о поимке беглых людишек на Дону.

Войско Донское. Бахмут. 10.06.1707.

Десятый день в новом теле. Чувствую себя просто превосходно. Про Богданова и старую личность Никифора Булавина стараюсь не вспоминать. Они – это я, и точка. Хотя первые пару дней суть парня пыталась выделиться и поступить по-своему, ведь ему всего тринадцать лет, и хотелось погулять, на реку сгонять или на резвом жеребчике в степь выехать. Однако моментально проявлял себя противовес. Иван Михайлович, уверенный в том, что нельзя бездумно тратить драгоценное время, которое можно использовать с толком.

В итоге, как говорится, побеждала дружба. Я успевал и со сверстниками побегать, и в доме посидеть. В основном возился с отцовскими пистолетами и привыкал к старославянской грамоте, листал единственную в доме книгу, «Малый Часослов», и читал все подряд. Хорошо еще, что Никифор умел читать и писать, хоть и плохо, по меркам далекого будущего, но с навыками Богданова его уровень рос на глазах.

Что еще было необычного, и чем я опасался выделиться из окружающей меня среды, это язык. Говор донских казаков сильно отличался от того, что привык слышать Иван Михайлович. Опять же здесь использовались многие термины и старые слова, которые в его время давным-давно вышли из

употребления. Но ничего, проблема решилась сама собой, и все сгладилось достаточно быстро. Например, я говорил сказочник, а язык произносил бахарь. Пришла Галькина подруга Настена, а я ее односумкой называл. И так во всем. Поляк — лях. Бархат — аксамит. Добыча — дуван. Французы — фрязи. Турецкий — турский. Лодка — бабайка. Шалаш — букан. Кощелек — кеса и так далее.

Встал сегодня, как обычно Никифор просыпался, с первыми петухами. Бока вылеживать некогда. Вместе с работниками отправился в лиман за городком и до полудня на сенокосе траву ворошил. Зима придет, спрашивать не станет, чей ты сын и кто ты есть, и у казаков, по крайней мере, у тех, кого я пока видел, закон стародавний — не поработал, не поел.

На обед вернулись в Бахмут, благо, покосы находились совсем рядом. И здесь я застал следующую картину. На площади четыре десятка местных казаков, по внешнему виду заметно, что тоже только с полей. Они стояли напротив приказной избы, невысокого бревенчатого строения, в котором решались все вопросы городской общины. На крыльце батя, одет как всегда хорошо и нарядно, в синей шелковой рубаше и перетянутых красным кушаком новых шароварах. Перед ним четверо мужиков, по виду бурлаки с Дона, мощные плечи, до черноты загоревшие лица и выцветшая прохуdivшаяся одежка, а из обуви лапти.

Я решил задержаться и увидел один из этапов превраще-

ния крестьянина в казака. Это только в беллетристике советского периода можно встретить обычный сюжет, где приходит беглый холоп на Дон и степная вольница его тут же в свои ряды принимает. Нет уж, в жизни все несколько иначе. Казаки, особенно донские, чужаков не любили. В свое общество принимали – это случалось, но со скрипом и система работала по отработанной схеме, которой не менее трехсот лет, и сбоев она почти не давала.

Первый этап. Беглый крестьянин приходил на землю казаков и его ставили перед выбором, уйти или стать бурлаком на Дону и впадающих в него реках. Как правило, мужик соглашался таскать баржи, лодки и струги, входил в трудовую бригаду и пару лет впахивал изо всех сил. За это время он в подробностях узнавал о жизни казаков, перенимал местные обычаи, усваивал речь и проникался вольным донским духом.

Затем, если он желал продолжить свой подъем, по рекомендации артельного и пары старожил, бурлак направлялся в батраки к одному из зажиточных казаков. Это второй этап, который опять-таки длился не менее пары лет. Человек вливался в общину, мог жениться, получал некоторые средства на житье-бытье и обзаводился знакомствами.

Проходило время. Бывший крестьянин полностью проникался казачьими традициями, понимал, что обратной дороги нет, и тогда наступал третий этап, последний. Перед принятием в казачье братство беглого человека вооружали и на-

правляли в набег или на службу по охране границ. Здесь человек реально рисковал жизнью, но получал то, о чем мечтал – свободу и равные с остальными казаками права. Ну как равные? Атаманить новый казак мог только над мужиками и такими же, как и он сам, приписными. Природные казаки все равно не считали его ровней, и полное равенство среди донцов имели только дети бывшего беглого. Да и то, при условии, что мать казачка.

Впрочем, исключения были всегда, и не раз случалось так, что первые два этапа не в счет, сразу наступал третий, и человек доказывал свое право на принадлежность к степной вольнице саблей и пролитой кровью. Но такое происходило не очень часто, лишь в случае большой войны или серьезного вражеского набега на один из городков. В такое время не до традиций, за оружие брались все, от мала до велика, и кто выживал, тот по праву становился воином.

Такова система отбора в казаки, и то, что я видел сейчас, было вторым этапом. Беглые потрудились в бурлацкой бригаде, не сломались и выдержали тяжкий труд, к ним присмотрелись, и артельный да пара казаков из станиц поручились за них. И вот они здесь, пришли проситься на работу к Кондратию Булавину, но не как к зажиточному казаку, а как к атаману. Это разница большая, для тех, кто понимает. У одного человека трудиться путь долгий, но спокойный, а на общину горбатиться, значит быть у всех на виду, выслушивать подначки, подколки и злые шутки, но при этом и тру-

диться вместе со всеми бахмутскими казаками. А совместный труд, как известно, сразу показывает, что за люди рядом с тобой.

Пока я гонял эти мыслишки, к площади стянулись другие казаки. Настала пора решать судьбу мужиков и, понимая, что меня вот-вот, погонят до хаты, я тихонько отошел в сторону и, не привлекая внимания, застыл за углом приказной избы. Вовремя. Меня не заметили, все внимание на атамана и бурлаков. Батя поднимает вверх раскрытую правую ладонь и громко говорит:

– Открываю круг! Браты-казаки, сегодня к нам пришли бурлаки из артели Кузьмы Самойлова. Желают влиться в нашу общину и потрудиться на ее благо. Все ли видят их?

– Да!

– Видим!

– Справные люди! Сразу видать!

На миг тишина и атаман продолжил:

– Будут к ним вопросы?

– Конечно!

– Само собой!

Вперед вышел один из бахмутцев, десятник Корнеев, здоровый кряжистый казачина с сильным волевым лицом. В прошлом сам беглый. Он посмотрел на бурлаков и спросил:

– Кто окромя Кузьмы Самойлова за вас поручился?

Такого вопроса ждали, он традиционный. Поэтому с ответом не промедлили:

– Тимофей Чуркин из Черкаска, Самсон Татарinov из Рыковской и Наливайко Иван из Аксайской.

– Кто знает этих казаков? – Корнеев оглянулся на бахмутцев.

– Тимофей мой односум, свой человек, – откликнулись из круга.

– С Наливайко на Азов ходили, храбрец.

– Татарinov с Рыковской мне кум.

– Добро, – Корнеев опять смотрит на бурлаков и снова вопрос: – Из каких мест будете и как на Дон пришли?

– С Петровского городка. На стройке работали, да невтерпеж стало, совсем нас замордовали. Ночью холопа царского побили и утекли, а после по Медведице до самого Дона спустились.

– Что умеете делать, кроме как лямку тянуть?

– Мы каменных дел мастера, – отозвались двое.

– Я зодчим был, – высказался третий.

– А я стрелецкий сын, – закончил четвертый.

Корнеев, молча, кивнул, вернулся в круг и снова слова атамана, который спросил бурлаков:

– Почему на понизовье не остались, а к нам пришли?

– С низовыми богатеями беда, совсем зажрались. Батрачь на них как проклятый, без роздыха. А коли в поход пошел, половину дувана отдай. Помыкались и к вам прислониться решили. Про бахмутцев люди хорошо говорят.

Недолгое молчание Кондрата, и обращение к кругу:

– Что скажете, братья?

– Берем!

– Справные казаки будут!

– Да!

– Согласны!

Рука вверх, выкрики стихают и приговор:

– Вы наши. Община за вас отвечает, но и вы ее не срамите.

Дальше все от вас зависит. Покажете себя, будет вам дело, а нет, не обессудьте.

– Благодарствуем, атаманы-молодцы, – бурлаки кланяются в сторону казаков.

– Круг окончен!

Казаки, подобно воде, отхлынули с площади и разошлись по своим делам – лето зиму кормит. Бурлаков увел Корнеев, а я отправился к дому, но меня остановил отцовский окрик:

– Погодь.

– Да, батя? – я обернулся в сторону отца.

– Иди-ка сюда, поговорим всерьез.

За все дни, что я нахожусь в новом теле, толком поговорить с Булавиным не удавалось. Поэтому я заробел. Что если батя решит моим воспитанием заняться? Как быть? Хотя чего раньше времени на себя тоску нагонять. Посмотрим, что оно дальше будет.

Отец вошел в приказную избу, а я за ним следом. Прошли внутрь и оказались в просторной комнате. Окна раскрыты, светло. Немного пыльно, но в целом вполне рабочая обста-

новка. Два стола, табуреты, пара лавок, в углу печь, вот и все присутственное место. Никифор здесь раньше не бывал, так что все вокруг в новинку, и я в нерешительности остановился в центре комнаты.

Старший Булавин присел на табурет у стола, облокотился на него и кивнул на лавку рядом:

– Сядь.

Я присел, и мысли в голове помчались одна за другой:

«В чем дело? О чем отец со мной поговорить хочет? Может быть, почуял что-то, волчара степной? Нет, не должен. Глубокий вдох и спокойствие. Ты всего лишь тринадцатилетний паренек, так что излишней суеты не надо. Жди первого шага от родственника и тяни паузу».

Молчание. Кондрат разглядывал меня и улыбался, наверное, вспомнил что-то хорошее. Наконец, он спросил:

– Почему не сказал, что едва на реке не утонул?

– Когда? – попробовал я включить дурака.

– Десять дней назад.

– Было дело, в сети старой запутался. А рассказывать об этом причины не было. Все уладилось, жив и здоров. На реку просто так теперь не бегаю.

– Что-то ты не договариваешь, Никиша, и с того дня сильно изменился. Раньше все больше с ровесниками по улицам гонял, а теперь с оружием возишься, рассказы сторожей караульных по вечерам слушаешь, а помимо этого еще «Часослов» треплешь. Неспроста это. Если головой ударился или

болеешь, лекаря искать станем. Говори без утайки, что на душе творится, а то отведаешь плетки отцовской.

Это да, Кондрат такой человек, что может и выпороть. А про то, что резкая смена моего поведения может привлечь его внимание, я как-то не подумал. Да и атаман хорош. За всем пригляд у него, вроде бы мелочи, а он знает. В реке тонул, доложили, а были только мальчишки. Оружие брал, когда его не было, а он заметил. К кострам ночных караульщиков на воротах городка пару раз подходил, и тут кто-то сообщил. Надо ответить на его вопрос, и ответить не просто так – отстань, а всерьез, чтобы дальнейшие мои странности его не смущали. Поначалу была у меня задумка толкнуть сказку про видение от Святой Богородицы. Однако, опираясь на воспоминания Никифора, я понял, что это не пройдет. Официально казаки православные, а на деле каждый верит, во что пожелает. И отец мой, он вроде как старовер, на людях двумя перстами крестится. Но религиозным человеком его назвать нельзя. Он атаман и отвечает за своих казаков – это для него главное, и если придется ради выживания дружить с мусульманами, католиками или еще какими иноверцами, для него это не проблема.

В общем, время шло. Надо отвечать, и я решил, что как пойдет разговор, так его и продолжать. Как там говорил один пятнистый московский товарищ со Ставрополя, резко ставший господином: «Главное дело начать, потом продолжить и углубить, а кончают пусть другие».

– Прав ты, батя. Серьезное дело на реке было, чуть не утоп. Только когда вся жизнь перед глазами пролетела, тогда и смог из сети выпутаться, – исподлобья, я посмотрел на отца, увидел, что он меня слушает, и продолжил: – Как выбрался на берег, колотило меня сильно, и пока остальные ребята раков ловили, я за жизнь свою думал. Ведь ничего сделать не успел, и если бы утоп, то и все, конец.

– Значит, гибели испугался?

– Нет, не этого, а того, что ничего для своего народа не сделал. Вот и задумался о том, что человек словно свеча, которую порывом ветра в любой момент задуть может.

– И что надумал?

– Решил, что пора за ум браться. Поэтому грамоту вспоминать стал, с оружием без твоего спроса возился, и рассказы сторожей ночных слушал. Песни, гулянки и озорство – все это уйдет, а знания о мире, который нас окружает, и навыки воинские, они всегда со мной останутся. Тебе помощник в делах нужен. Вот и почему бы мне своему отцу не помочь.

– Вишь ты, – усмехнулся атаман, – помощник выискался. Мал еще.

– Чего это мал? – я изобразил легкую обиду. – Ты сам рассказывал, как в свое четырнадцатое лето под Азовом шарпальничал, а в пятнадцать к Волге ходил.

– Так это я...

– А я твой сын.

– И то верно, сын. Однако в мое детство время смутное было, и не всегда по своей охоте я в степь уходил.

– Сейчас не лучше. Куда ни посмотри, почти везде враги.

От таких слов атаман заметно растерялся и на миг замолчал. Затем он достал кисет с турецким табачком и трубочку с серебряным ободком, не спеша, кресалом выбил огонь, прикурил от трута и, сделав первую затяжку, поинтересовался:

– Что ты про врагов сказал?

– Говорю, что они вокруг.

– И кто же по твоему мнению нам самый главный враг?

– Царь, который свои загребушие лапы на Дон тянет, и желает нас в холопов превратить.

– Ты прав, сын. Только все ли ты правильно понимаешь?

– А чего тут понимать, батя? Люди говорят, я слушаю и думаю, что к чему. Казаки на Дону еще до Золотой Орды и царя Батыя были, и всегда вольными оставались. Старики про это часто гутарят. А теперь что? Низовые казаки из старожил на месте сидят, денег накопили и мечтают их преумножить. Они власть, и царь этих собак со всеми потрохами купил. Солеварни казацкие по Бахмуту слободским полкам отдал, а они наши, и ты вместе с Ильей Зерщиковым и Некрасовым Игнатом их силой оружия обратно возвращал. Ладно, пока нас не трогают. Но долго так будет продолжаться? Нет. Беда близко, а нам деться некуда. На Украине Мазепа, пес царский. В Крыму татары, вражины стародавние. В Азове и Таганроге царские войска, выход к морю караулят, а

все донское понизовье вместе с казацкими рыбными ловлями монахам и дворянам отписано. Сальские степи, казачьи исконные земли, калмыкам отданы, а они за это в любой момент по слову царя Ерохи на нас кинутся. Путь на Волгу совсем закрыли, Царицын и Астрахань не для нас. Обложили Дон со всех сторон – мы теперь в осаде и царь может поступить, как он хочет.

– Хорошо ты сказал, Никиша, по-взрослому. Не всякий старый казак так скажет. Видна моя кровь, – Кондрат положил трубку на стол, перегнулся вперед и потрепал меня по голове. – Молодец, сын. И раз ты у меня такой разумник растешь, может быть, скажешь, что надо сделать, дабы волю свою сохранить?

– До этого я пока не додумался, батька. Есть мысли, только без знаний они ничто, бред мальчишки.

– Бред или нет, а правильно мыслишь – это главное. Выход всегда есть, только его найти надо.

Атаман встал, зашел за стол, порылся в сундуке и бросил передо мной кусок тонкой кожи, свернутой в продолговатый рулон. Что это, я понял сразу. Однако Никифор ничего подобного никогда не видел, и я спросил:

– А чего это?

– Разверни.

Рулон лег на стол, размотался и я увидел то, что и ожидал, наклеенную на кожу бумажную карту Войска Донского с прилегающими территориями, где были обозначены Вол-

га с городами, Кавказ, Крым и большая часть Днепровского левобережья с порогами.

– Ух, ты! – выдохнул я. – Это что?

– Мапа, – сказал отец и, склонившись, начал тыкать пальцем в черточки и кружочки. – Вот это Дон, Волга, Иловля, Медведица. А вот Днепр, на нем Сечь, а здесь Бахмут, Таганрог, Черкасск, Азов и Кагальник.

– Это как на землю с высоты смотреть?

– Да, как с высоты. Но сейчас не про это, и раз уж у нас речь про серьезные вещи зашла, смотри. Ты не знаешь, что делать, дабы волю свою сохранить, и никто этого не знает. Но многие про это думают.

– И ты?

– И я.

– Так и что?

– Моменту ждать надо, Никиша. Быть к нему готовым, а затем, когда он настанет, не спать, а действовать. Самим против царя-тирана подниматься и других поднимать.

– Своих казаков поднять можно, это понятно, а кого еще?

Булавин-старший задумался, тяжело вздохнул, что-то для себя решил и, глядя на карту, ответил:

– Крестьян, кто за свободу биться будет. Раскольников, кто истинную веру готов отстаять. Стрельцов уцелевших. Джигитов степных, до горячей схватки жадных. Казаков на Сечи, Кубани, Тереке и Яике. А помимо них войска Максима Кумшацкого, который сейчас в царевой армии. Это 26 ка-

зачьих полков, больше 15 000 сабель. Силу собрать можно, только использовать ее надо с умом. Понял?

– Да, батька.

– Тогда ступай домой и запомни – пока час не настал, никому ни слова, ни полслова.

– Буду молчать, – я встал с табурета и, повернувшись вполоборота, спросил: – Бать, а чего насчет моей помощи?

– Послезавтра по гостям поедem. Думал это дело до осени отложить, но с тобой поговорил, закипел и решил, что надо уже сейчас что-то предпринимать. Время пока есть, Ульяна к сестре в Белгород поехать желает, беременная она. А мы с тобой по всему Войску Донскому проедemся. Ты теперь со мной будешь. Иди, собирайся.

Покинув приказную избу, я пересек площадь, вошел в наш дом, и подумал, что сегодня сделан первый шаг к тому, чтобы попробовать перекроить историю. Хорошо это или плохо? Пока не знаю. Однако на чьей стороне в скором восстании против Петра Романова я встану, уже определено.

Россия. Яблоновка. 25.06.1707.

Небольшая деревня Яблоновка располагалась неподалеку от города Старая Русса. На заботливо засеянных по весне полях вызревала пшеница. Середина лета, самое время для благодатного крестьянского труда, и уборка урожая шла с самого раннего утра и до темноты. Жара стояла сильнейшая, и только иногда прилетавший от Ловати свежий ветерок овеивал распаренные красные лица работников.

Все бы ничего, обычный день и привычный труд. Но принесла нелегкая из Петербурга в родовое имение молодого боярина Федорова. С десятком верных холопов проскакал горячий боярин Семен по сухой пыльной дороге, извивающейся среди хлебных крестьянских полей, а робкие и смиренные крепостные, заметив его, падали на колени. Порой, хозяин был очень крут. Любил жестоко подшутить над своими рабами. И каждый из его крестьян, зная это, никогда не рисковал посмотреть ему прямо в глаза, дабы не привлечь к себе внимание Семена Андреевича.

От скачки Федоров взбодрился. Боярину захотелось порезвиться. И оставив верных холопов на дороге, он подъехал к древнему, но все еще крепкому старику, который укладывал мешки с зерном на телегу.

– Ну что, старейшина, убрал хлебушек? – спросил старика молодой боярин, помахивая кожаной плеткой.

– Слава Богу, Семен Андреевич, – старик в пояс поклонился Федорову. – Почти все убрали и скоро на боярские поля перейдем. Работаем дружно и управимся в срок. Не изволь беспокоиться, благодетель.

Федоров скривился и неожиданно для старика, взмахнув плетью, с силой перетянул его по спине. Ветхая пропотевшая рубаха от удара распалась в клочья. Старейшина пригнулся и попытался закрыться руками. Однако боярин был безжалостен. Взмах! Удар! И плеть просекает дряблую старческую кожу до крови.

– Ты что, тварь! – закричал разгневанный боярин. – Разве не знаешь, что сначала мои поля убираются, а только потом ваши!? Эй, холопы, ко мне!

Сопровождающие боярина слуги гурьбой подъехали к нему, и один из них, старший над холопами, Юшман, крупный сорокалетний мужик, спросил:

– Что прикажете, господин?

– Всех сгонять на наши поля! – приказал Семен Андреевич. – Плетьми гнать, быдло! Кто остановится, топтать конями!

Боярские слуги на сытых конях рванулись по полю. Засвищели плетки и закричали люди, которые не понимали своей вины.

– Эй! – окликнул боярин одного из слуг. – погоди, не

бей...

Он подъехал ближе и увидел сидящую на земле миловидную девушку. От удара плетью ее рубаха лопнула, и с высоты седла боярин смог увидеть очень даже недурственную девичью грудь.

– Кто такая? – спросил он.

– Светланка, дочь вдовы Игнатовой, – ответила девушка, которая заметила непорядок в своей одежде, смутилась, густо покраснела и попыталась запахнуться.

Боярин Семен подмигнул холопу и сказал:

– Хватай девку, с собой в усадьбу возьмем. Давно «свежачка» не пробовал.

Слуга, откормленный на хозяйских харчах здоровяк, перегнулся с седла и, схватив девушку за талию, с легкостью приподнял тело, а потом перекинул его через седло. Светланка закричала, и к ней на помощь бросился молодой крепкий парень. Но куда там... Скакавший мимо крестьянина боярский холоп ударил его плетью по голове и парень, как подкошенный, рухнул наземь.

Довольный развлечением боярин залихватски свистнул и направился в сторону усадьбы. А холопы, развернув лошадей, предвкушая вечером хорошее угощение с барского стола, помчались за ним вслед. Когда барин пробовал «свежачка», он становился добрым и разрешал дворовым выкатить из подвалов бочку меда или иного хмельного питья. Девке-то что, от нее не убудет – словно курочка отряхнулась и дальше

пошла, а на вино хозяин не слишком щедр...

Парня, который пытался заступиться за девушку, звали Митяй Корчага. Он провалялся без памяти остаток дня и всю ночь, и очнулся только утром в избе деревенского старейшины Акима Корчаги.

– Что со мной? – обхватив руками перевязанную тряпичей голову, спросил парень.

– Холопья боярские тебя плетью ошеломили. Сам знаешь, как они умеют в кожу железки вплетать, – сказал сидевший в углу Аким, который втирал в рассеченные ладони мочевину.

– Значит, мне не привиделось, что Светланку увозят... – потирая затылок, с неизбывной, почти животной обреченностью в голосе, просипел Митяй.

– Не привиделось... – подтвердил старик.

– Дед, а что же мне теперь делать?

Старик поднялся, приблизился к парню и сказал:

– Беги внук.

– А как же Светланка?

– Нет больше твоей невесты.

– Как?

Парень попытался вскочить на ноги, но он все еще был слаб и рухнул обратно на лавку.

– А вот так. Не далась она боярину, а тот озлился и на смерть ее запорол. Ночью к соседке Юшман из усадьбы приезжал, он и рассказал.

– Что же это творится!? Почему в мире такая несправед-

ливость!?! Дед, отчего так!?

Аким выглянул в окно, никого рядом не заметил и продолжил уговаривать внука:

– Бежать тебе надо, Митяй. На Дон. Мы волюшки никогда не нюхали. Так может у тебя получится. У меня по молодости не вышло уйти, бабка твоя забеременела. У отца твоего Алексея, который в Азовском походе погиб, не получилось. А тебе сам Бог знамение дает, что уходить надо, раз твою невесту загубили. Беги, не будет тебе здесь житья и покоя.

– А как же ты, дед?

– Что я, внучек? Жизнь прожита. Ты у меня один из всех близких остался. Поэтому в первую очередь о тебе думаю.

Прошел час. Парень немного оклемался, молча, собрал котомку с нехитрым припасом, вышел на двор и поклонился отчему дому. После чего размашисто перекрестился и зашагал в сторону Тверского тракта. Впереди была трудная и опасная дорога на юг, к вольному Тихому Дону. И покидая родные места, Дмитрий Алексеевич Корчага поклялся, что когда-нибудь он обязательно вернется назад и отомстит за смерть своей любимой.

Войско Донское. Бахмут. 02.07.1707.

Я много думал над тем, как изменить ход истории и возможно ли это. Все прикидывал, каким способом дать отцу знания о будущем. Однако пока я размышлял, все изменилось без моего прямого участия. Наш разговор с Кондратом, который состоялся в приказной избе, взволновал его. Словно маленький камушек, который пробуждает лавину, он подтолкнул атамана не ждать у моря доброй погоды, а выехать в путь-дорогу, чтобы навестить старых товарищей. И во время этого путешествия произошла встреча, которая изменила весь, казалось бы, уже предопределенный ход исторических событий.

Впрочем, об этом надо рассказывать по порядку...

Две недели мы путешествовали по казачьим землям. Как выехали из Бахмута, нигде дольше, чем на одну ночь не останавливались. И за это время я перезнакомился с таким количеством людей, что голова кругом шла. Есаулов верховских, Никифорова и Банникова, уже знал. А помимо них мы побывали в гостях у Игната Некрасова в Голубовском городке, у дядьки Ивана в Трехизбянской и у дядьки Акима в Рыковской.

Пыльные дороги и загорелые лица, зеленые станицы и

укрепленные городки, и каждый день новые встречи с казаками и беглыми, которые поддерживали Булавина и его идеи. Везде в это время я был рядом с отцом и поражался тому, сколько у него односумов, боевых товарищей, торговых партнеров и просто хороших знакомых. Почти везде атамана знали и уважали, где-то побаивались и были с ним осторожны, а где-то по случаю его приезда устраивали небольшой праздник.

Многое можно об этих двух неделях вспомнить, материала на целую книгу хватило бы. Но это все не так важно, как то, что произошло в один день.

Мы, то есть батя, пара казаков из его ближних людей и я, навестили в Кагальницкой станице атамана Тимофея Соколова. Встреча прошла как обычно. Батя с атаманом говорили о делах, обсудили новости и слухи, помянули недобрым словом зажавшихся казаков из донской низовой старшины, а потом условились о помощи друг другу в случае возможного прихода царских карателей и розыскников. Дальнейший наш путь лежал в один из безымянных хуторов неподалеку, где по слухам обретался атаман Иван Стерлядев, еще один односум Булавина, недавно побивший наглого чернеца в низовьях Дона, и теперь отсиживающийся в укромном месте.

Выехали из станицы рано утром и вдоль речки Кагальник двинулись вверх по течению. Сытые кони шли бодро. Погода радовала. Слева речка, а справа густая роща. Все спокойно, но тут на узкую пыльную дорогу вышли три спешенных ка-

зака, при саблях и пистолетах. Я оглянулся назад, а там еще двое, и тоже при оружии. Моя рука сама собой легла на подаренную отцом перед отъездом из Бахмута легкую кавказскую шашку, и я подумал, что, наверное, по наши души прислали убийц. Пистолы у нас не заряжены, и если неизвестные казаки начнут стрелять, единственный шанс на спасение – всем вместе лошадьми пробить проход в степь. Оставалось только дожидаться команды отца. Но опасности не было, и перекрывшие дорогу люди оказались не врагами.

Один из казаков, что стоял впереди, мощный в плечах чубатый русоволосый мужчина, вышел вперед. Он остановился перед мордой вороного батиного жеребца Буяна, который нервничал и бил по земле копытами, а потом сказал:

– Полковник Иван Лоскут шлет тебе привет, атаман, и просит пожаловать к нему на уху.

– Где он? – спросил отец.

– В роще, только чтобы тебя повидать в эти края выбрался.

– Веди.

С дороги мы свернули в рощу и по узкой тропинке вышли на небольшую по кругу поросшую колючим кустарником поляну. Здесь находилось с десятков лошадей, и горел костерок, на котором висел походный котелок с булькающим варевом. И возле огня, на поваленном старом бревне, сидел человек, седой и сгорбленный годами невысокий старичок в накинутом на голое тело простом линиялом кафтане. Это и был пол-

ковник Иван Лоскут, личность настолько противоречивая и загадочная, что я не знал, как к нему отнестись.

Во-первых, Лоскут соратник Степана Тимофеевича Разина, у которого он был писарем.

Во-вторых, друг семьи Булавиных, то есть моей семьи, они еще с дедом на Волге боярские струги чистили.

В-третьих, он самозванный полковник и профессиональный революционер с уклоном в разбой.

В-четвертых, очень умный, верткий и ловкий человек, которого вот уже тридцать лет царские сыскари ловили, но все никак поймать не могли.

Да, что говорить, в одних исторических документах он подавался как голь перекатная, пьянь и рвань, а в других как богатый и справный казак с огромными связями по всей Руси и за границей. Кому верить? Вывод самый разумный. Никому не верить, а лично определяться, смотреть, слушать и делать выводы.

Казак из отцовских ближних людей и люди Лоскута остались возле тропинки, а мы с отцом прыгнули с коней и направились к костру. Подошли и атаман поприветствовал самозванного полковника:

– Здрав будь, дядька Иван.

– Здравствуй, Кондрат, – Лоскут встал, и они с Булавиным крепко обнялись. Затем полковник посмотрел на меня, взял своими сухими жилистыми руками мои плечи, чуть встряхнул и сказал: – Вырос, Никиша, и вытянулся преизрядно. Де-

сять лет тебя не видел, а ты вон уже какой. Богатырем растешь.

– Здоровьица вам, дед Иван, – произнес я.

– Ладно, – разинский соратник отпустил меня, – иди к лошадям, а мы тут, с батей твоим переговорим.

Я посмотрел на отца, и он сказал:

– Пусть останется, пора его к делу приучать.

– Ну как знаешь, – полковник присел на бревно, дождался, пока мы расположимся вокруг, помешал длинной ложкой уху в котле, бросил быстрый оценивающий взгляд на Булавина и спросил: – Зачем я тебя нашел, понимаешь?

– Нет, – батя отрицательно покачал головой.

– Странно. Я думал, что ты уже последние новости знаешь. Поэтому и мечешься по всему Войску, беседы крамольные с людьми ведешь.

– О чем я должен знать, дядька Иван?

Лоскут помедлил, посмотрел на повисшее над нами солнце и ответил:

– О том, Кондрат, что царь указ написал. А в том указе князю Юрию Долгорукому велено ловить всех беглых на Дону.

– И как давно сей указ написан?

– С месяц уже, а то и больше. Я про него только дня три как узнал. Отлеживался в одной из станиц, а тут все в один час, и про указ известие, и про то, что ты уже пару недель по городкам донским ездишь. Вот и подумал, что ты все знаешь,

или сам беду почуял.

— Нет. У меня таких людей, которые бы столь важные новости быстро приносили, пока не имеется.

— А надо бы иметь...

— Со временем, может быть, кто-то и появится.

— Нет времени, Кондрат. Осенью Долгорукий будет здесь, а что он за человек тебе хорошо известно.

При этих словах, отец потер левый бок, где, как я знал, у него имелся длинный шрам от сабли. Он поморщился и кивнул головой:

— Знаю его, под Азовом сталкивались. Я тогда на стену одним из первых поднялся, думал, что награду получу, а тут этот князек со своим гонором. Слово за слово и драка с его холопами. Насилу отбился. Царь меня за эту драку простил, но и награду я не получил.

— Вот видишь, князя Юрия ты знаешь, и как он к казакам относится, понимаешь. Что делать станешь?

— Буду ждать и смотреть, что дальше произойдет.

— А я тебе и без ожиданий скажу, что может быть. Лукьян Максимов тоже про карателей ведает. Поджилки у него трясутся, и войсковой атаман ищет того, кто в случае большой беды от князя, смог бы его прибить. И на кого он посматривает, догадываешься?

— Немуद्रено догадаться, на меня, наверное.

— Правильно, потому как ты человек известный и крови не боишься. Помнишь, как ты от слободских людишек и ца-

ревых солдат солеварни освобождал? Вижу, что не позабыл. Тогда Лукьян тебе тоже говорил, мол, ты дело сделай, а мы прикроем. И потом он же со своими товарищами тебя выдать хотел. Разве не так?

– Я на память пока не жалуюсь.

– Теперь так же будет, если Долгорукий зверствовать начнет. Ты, Кондрат, князя убей, а потом мы тебя укроем. Так скажут Максимов и старожилы из богатых низовых казаков.

– Не будет этого! – отец вскочил с места.

– Ты успокойся, сядь, и не шуми, – тихо и вкрадчиво сказал полковник.

– Все! Я спокоен.

– Вот и хорошо. Соображаешь нормально?

– Да.

– И что скажешь?

– Не стану я пешкой Максимова и его друзей. Сам все сделаю, и сам за собой казаков поведу.

– Вот и правильно. С чего начнешь?

– Хотел завтра в Черкасск направиться и с Ильей Зерщиковым поговорить, да видно не судьба. Прямо сейчас в Бахмут вернусь и там всех сотников да атаманов, кто за меня стоит, на Круг соберу. Ты со мной, дядька Иван?

– С тобой, а иначе бы и не суетился.

– Кто тебя знает, ты как перекаати-поле, сегодня здесь, а завтра ищи-свищи полковника Лоскута.

– Это верно, и поначалу я думал в стороне отстояться, са-

мого бунта дожидаться и только тогда в дело вступать. А на тебя посмотрел и решил, что тянуть не стоит.

Атаман прищурился и, пристально посмотрев на старика, спросил:

– И что, твои прознатчики тоже моими людьми станут?

– Если я разведкой займусь, тогда станут, – усмехнулся Лоскут.

– Договорились.

Разговор был короткий, я тому свидетель. Пospела ушница и подошли казаки. Все поели, и настал черед снова вернуться к делам. Отец с Лоскутом, уже без меня, что-то обсудили, крепко поспорили и я даже думал, что дойдет до драки. Но все утряслось, полковник и будущий предводитель восстания ударили по рукам, и казаки, что булавинцы, что лоскутовцы, стали получать приказы атамана:

– Илья, направишься в Старо-Айдарский городок. Там найдешь Семена Алексеева по прозвищу Дранный, скажешь ему, что он срочно нужен в Бахмуте. Коль будет спрашивать, намекни, что каратели с Москвы идут, беглых людишек ловить, – Кондрат усмехнулся и дополнил: – Дранный сам из беглых и как он барский дом перед побегом поджег московиты еще помнят.

– Сделаю.

– Андрей, в Голубовский городок помчишься, к Игнату Некрасову. Ты его помнишь, пять дней назад у него гостили. Скажешь, что время пришло и он нужен своему народу.

– Помню Игната, все как есть передам.

– Тебя как зовут? – спросил атаман одного из лоскутовцев.

– Ерема, – ответил он.

– Помчишься к Григорию Банникову и Филату Никифорову. Скажешь, быть им второго числа в Бахмуте, дело срочное.

Вскоре посланцы умчались к адресатам. А мы, в сопровождении пары лоскутовцев, вертких молодых казаков, вместе с полковником направились к дому. Трое суток скачки с редкими остановками, только чтобы лошадей не загнать, и мы в Бахмуте. Сбор был назначен на второе июля. И в это число, все кто должен был прибыть, уже находились в городке.

Собирались не в приказной избе, а в доме атамана. Лишних людей не было. Мачеха Ульяна уехала к сестре в Белгород, там рожать собралась, а мы с Галиной молчаливые и понятливые, с самого детства приучены зря не балаболить и языками не трепать. Меня прочь не гнали, но и за стол вместе со всеми, разумеется, не сажали. А знать о том, что намечается, хотелось. Поэтому я затаился серой мышкой на печи, и каждое слово ловил.

Итак, Тайная Вечеря в доме атамана Кондратия Афанасьевича Булавина. Присутствовали: сам бахмутский атаман, Семен Дранный с сыном Михаилом, есаулы верховые Банников Григорий и Никифоров Филат, Некрасов Игнат из Голубовского городка, полковник Иван Лоскут, а так же несколь-

ко атаманов, старшин и влиятельных казаков из разных стан-
ниц. Чтобы скрыть прибытие гостей все они приезжали тай-
но, в сумерках и без огласки.

Отец поднялся из-за стола, оглядел всех собравшихся и
заговорил:

– Браты! Беда на Дон идет, каратель Юрий Долгорукий с
сильным отрядом. Он имеет самые широкие полномочия и
поддержку царя. Крови будет пролито много, а потому ста-
нем биться с ним насмерть. Кто пойдет со мной до конца?
Кто встанет за наш присуд и казачью волю?

Собравшиеся за столом казаки и атаманы поддержали его:

– Мы с тобой!

– Не отдадим свободу!

– Побьем князя и его отряд разгоним!

– Долой Ероху, царя-Антихриста!

– Бей московитов, немцев, латинян и бояр с дворянами!

Подняв руку, Булавин остановил выкрики:

– Добро, братья. Тогда прямо сейчас готовиться надо, пи-
сать воззвания братьям нашим, не забывшим про волю, со-
бирать припасы, распределить обязанности и решить, кто
нам друг, а кто враг, подлежащий беспощадному истребле-
нию...

– Для начала разведку требуется создать, без этого погиб-
нем как Степан Тимофеевич Разин сотоварищи, – напомнил
полковник Лоскут.

– Правильно, – поддержал его Кондрат. – Про это уже го-

ворили, и было решено, что ты, господин полковник, этим вопросом и займешься. Кроме того, за тобой должность войскового писаря.

Лоскут встряхнул седыми кудрями и ответил:

— Принимаю должность.

— Кто будет начальником всего нашего дела? — спросил отец, хотя ответ лежал на поверхности.

— Ты и будешь... — откликнулось сразу несколько голосов.

— Любо! — подхватили остальные. — Ты начал, тебе и тянуть все кумпанство на себе.

Бахмутский атаман приосанился и чуть поклонился.

— Постараюсь оправдать доверие, братья, и не посрамить славы казачьей. Давайте решим, чего мы хотим получить в результате нашей войны против царя Московского.

Слово взял Игнат Некрасов:

— Отделиться от Московии надо и создать то, что в странах Европейских называется Республика. Будем по заветам прадедовским жить, по своему уму и совести. Не надо над нами господ и бояр. Бог создал человека вольным и даровал ему свободу. Только Он над нами и перед ним единым на небесах в час Страшного Суда ответ держать станем, да перед братьями нашими на земле. Если отстоим свободу, будем договариваться с Москвой, чтобы оказывать помощь друг другу. Мы России нужны, так же, как и она нам. А потерпим неудачу, значит, или бежать придется, или шею под ярмо подставлять.

Присутствующие поддержали Игната, и хозяин дома предложил определиться с тем, кто из царских прихвостней и прикормленной старшины должен погибнуть в самом начале восстания и в дальнейшем. Он же первым и начал перечислять, а полковник Лоскут ловко и быстро записывать:

– Максимов Лукьян – войсковой атаман. Юрий Долгорукий – князь. Все офицеры кто с карательным отрядом придет. Начальные люди царские из Азова и Таганрога. Воевода Козловский – князь Волконский. Азовский губернатор – Толстой. Командир Слободского Изюмского полка – бригадир Шидловский. Воевода Борисоглебский – Палеологов. Дмитровский воевода – Титов и все, кто против воли казацкой пойдут.

Каждое имя, названное атаманом, было одобрено, так как именно эти люди непосредственно отвечали за все притеснения чинимые казакам и беглым людям из России.

– Сидора Пешкова требуется добавить, – выкрикнул Банников. – Совсем озверел этот дворянин тамбовский, людишкам подневольным на лесозаготовках за каждую провинность ноздри рвет, словно кандалникам каким. Не по-христиански это и не по-человечески.

– Добавим дворянина в список, – сказал атаман. – Кого еще предложите, братья?

Поднялся Василий Поздеев, богатый казак из Черкаска:

– Из старшины нашей донской предлагаю внести в список: Ефрема Петрова, Абросима Савельева, Никиту Саломаш-

та, Василия Иванова, Матвеева Ивана и Алексеева Феоктиста. Эти все за царскую власть будут до последнего стоять, прикормлены Москвой. И еще, есть вопрос атаман. Почему ты Зерщикова Илью Григорьевича, прошлого атамана войскового, в список не внес? Знаем, что вы с ним приятели и солеварни у вас общие имеются, но мы его здесь не видим...

Вопрос был щекотливым. Кондрат нахмурился и, немного подумав, ответил:

– Рано еще Илью Григорьевича беспокоить. В сомнениях он пока, на чью сторону встать. Однако в свой час Зерщиков с нами будет, уверен в этом.

– А если все же против пойдет? – не унимался Поздеев.

– Лично его убью и не посмотрю, что он мне друг стародавний. Есть еще предложения?

– Царя Петрушку Романова почто забыли? – отозвался Семен Драный.

– Эх, ты, хватанул, – оторвавшись от бумаги, сказал Лоскут. – Это не воевода, какой, чтобы его казацким судом к смерти приговаривать.

– Пиши в список царя, полковник, – поддержал Старо-Айдарского атамана Кондрат. – Если за дело всерьез взялись, нашему основному ворогу там самое место.

Следующим голос подал Андрей Мечетин:

– Федора Черноморца, сотника Изюмского. Помним, как он четыре года назад казаков наших примучивал. Пусть не думают, что забыли.

Изюмского сотника тоже внесли в список, и лидер составших, блеснув в свете свечных огней серьгой, перешел к следующей теме:

– Кто и куда с письмами поедет, союзников в помощь звать?

– Я в армии Шереметева служил, порядки армейские знаю и могу к Максиму Кумшацкому поехать, – первым отозвался Некрасов. – Возьму самых резвых лошадей и казаков десяток. Подорожная липовая имеется, поэтому к войскам быстро домчусь.

Вторым посланцем вызвался быть Поздеев:

– Через четыре дня на Кубань обоз поведу. Твоему брату, Кондрат, и прочим казакам, весть могу передать.

Отец согласился, кивнул и для себя определил поездку в Запорожскую Сечь. К беглым крестьянам, во все концы России, решили послать лихих людей и казаков из отряда Лоскута, которым необходимо выделить деньги для вербовки прознатчиков, как среди царских солдат и посадского люда, так и среди лесных татей да торговцев.

Просидев за разговорами и планами на будущее до самой полуночи, казаки стали покидать Круг. Ради такого случая ворота городка были открыты, и на них стоял двойной караул.

Наконец, гости разошлись и в доме остались только батя и полковник Лоскут. Галина убирала со стола, а я спустился с полатей. Выпил кружку кваса и решил лечь спать, но куда

там... Начиналось самое интересное, написание писем, и под это дело даже мне пришлось потрудиться.

– Ты грамотный? – спросил меня Лоскут.

– Да, – ответил я.

– Пишешь хорошо?

– Средне, дед Иван.

– Ладно. Садись за стол, будешь подметные и прелестные письма переписывать. Сейчас их напишем, и по городкам разошлем. Пусть себе лежат спокойно, а когда придет время они все на свет и появятся. Понял?

– Да.

Я устроился за столом, и до утра началась морока с чистописанием.

«Господи Исусе Христе, Сын Божий, помилуй нас. Аминь. От бахмутского атамана Кондратия Афанасьевича Булавина, ко всему Войску Донскому.

Всем старшинам и казакам надо ныне, за дом свой родной, за Святую Богородицу, за истинную христианскую веру и за все Великое Войско Донское, встать. Ведомо нам, что идут на землю нашу цареvy войска, с повелением ловить беглых людей, рвать ноздри и отправлять на каторги царские, да на верфи, да иные работы. Идут они, умышляя зло на все казачество, жечь и казнить напрасно, вводить нас в эллинскую веру богопротивную и от истинной отвращать, а так же лишать нас родной земли. А вы ведаете, как наши деды и отцы на сем Поле жили и как оное, тогда держалось крепко. Ныне

же супостаты, воеводы царевы, наше Поле все перевели и ни во что не вменили, и так, чтобы нам его вовсе не потерять, должны мы защитить себя единодушно. И в том бы вы все дали твердое слово и клятву перед иконами святыми. Станем же вместе сын за отца, брат за брата и друг за друга, а если понадобится, то и умрем за одно.

А еще скажу вам казаки молодцы, что вскоре придет нам помощь с Запорожской Сечи, от братьев наших с Кубани и Терека, а так же от закубанских орд Ачюевского владельца паши Хасана и Кубанского владельца мурзы Сартлана. Так пусть же будет готова вольница наша, оружно и вся без остатка двинуться по приказу моему в поход. Если же кто явится послушником и противником, тот предан будет смертной казни».

К утру от гусяного пера и писанины руки были в мозолях и чернилах. Хотелось спать и, помывшись, я собрался прилечь в комнате на лавку и хотя бы пару часов подремать. Однако неугомонный атаман, собирающий походные торочки, увидев, что полковник Лоскут покинул дом, окликнул меня:

– Никифор.

– Да?

– Я на Сечь уезжаю. Здесь остаются Лоскут и его казаки. Будешь помогать полковнику, и учиться военному делу. Видел, как его хлопцы драться умеют?

Что да, то да. Верные бойцы полковника Лоскута воина-

ми были прирожденными, и где он таких набрал, лично я не понимал. Вроде бы и свои, казаки, повадки нашенские. А в то же самое время никто их не знает и никто им не родня. Непонятные люди, но бойцы лютые, быстрые и стремительные, в рукопашной схватке сильны, саблями машут превосходно и стреляют отлично. Профессионалы.

– Видел, батя.

– Вот то-то же. До моего возвращения будешь с ними. Полковника слушаться как меня, но и не зевать. Лоскут сам себе на уме, и если что-то подозрительное заметишь, казакам нашим шепни. Мало ли что...

– Уяснил.

– Тогда, прощай, сын. Коль все сладится, через месяц-другой свидимся...

Атаман взвалил на плечо тороки, и отправился на двор, где его ждали верные казаки и заседланные лошади. Ему дорога на Сечь, а я остаюсь на хозяйстве.

Запорожская Сечь. Хутор Гордеевский. 09.07.1707.

Что есть Запорожская Сечь? Ответ на этот вопрос очень прост, и в то же самое время сложен, ибо всегда имеется минимум две точки зрения.

Если смотреть издалека, например, глазами человека из Центральной России, Сечь это нечто незыблемое, раскинувшаяся на берегах Днепра крепость. Разбойное гнездо воров для одних, и недостижимая мечта о свободе для других. Однако Запорожская Сечь это не просто скопище вольных людей, которые ходят под хмельком по своему военному лагерю и сабельками играют, а когда у них заканчиваются средства к существованию грабят соседей. Это республика, государство свободных граждан, которые не держались за определенную территорию, а их «столица» могла переехать с одного места на другое всего за пару месяцев. Была Хортицкая Сечь, которую часто называют Первой. Ее время ушло, и Сечь стала Томаковской, затем Базавлукской и Никитинской, а к 1707-му году она находилась невдалеке от реки Чертомлицы и, соответственно, именовалась Чертомлыкской.

Итак, Сечь это республика и, как любое государство, она имела свою верховную власть, выборного кошевого атамана, а помимо него прослойку управленцев: судей, есаулов, писа-

рей и куренных атаманов. А раз есть власть, то и законы существовали, которых было очень даже немало. И как составная часть всей этой системы имелись школы, церкви и присутственные учреждения. В далекой Франции первые республиканцы только задумывались о том, что же есть власть народа и свобода, а здесь это уже клонилось к закату.

Чем жила Сечь? Конечно же, в первую очередь это добыча с военных походов, жалованье и откупные деньги от правителей сопредельных государств, налог за переправу через Днепр, внешняя и внутренняя торговля, и винная продажа в шинках. Кроме того, сечевикам платили дань купцы, проезжающие по их землям, а так же имелся оставшийся еще со времен Золотой Орды «дымовой» налог на жилище. Не грабительские десятины от всего дохода, которые феодал и церковь установят, а фиксированная плата за одну печь. Однако и это не все, ведь Сечь это не только воины, но и строители, корабелы, оружейники, кожевенники, бочары, сапожники, коневоды, кузнецы, добытчики селитры, чумаки, производители пороха, ткачи, пастухи, земледельцы, рыбаки и многие другие.

Получается, что для местного населения Сечь это государство. А для царей, императоров, королей, герцогов, графов и прочих баронов, не желавших видеть рядом со своими границами вольную республику, она, как и Тихий Дон, всегда была источником опасности и примером для внутригосударственных бунтарей. А коль так, то и мнение о воль-

нице у правящей верхушки всегда было соответствующим. Сечь есть пристанище воров, разбойников, смутьянов, предателей, пьяниц, душегубцев и беглых холопов.

С той поры, когда в Бахмуте прошел первый Круг казаков, которые собирались защищать свои права и свободы, минуло семь дней, и Кондрат Булавин оказался на Запорожье. На саму Сечь он не поехал. Прежде чем там появиться, требовалось основательно подготовиться и провести пару встреч. Поэтому, переправившись на правый берег Днепра, он напрямик направился на хутор Гордеевский, где с молодой женой проживал его старый товарищ Константин Гордеевич Головка, по всей земле малороссийской более известный как Костя Гордеенко.

Хутор старого боевого товарища находился невядалеке от Чертомлыкской Сечи, всего десяток верст вдоль Чертомлицы, и вот оно, уютное казачье поселение. Сады на берегу реки, белые мазаные хатки и лошади, которые привольно пасутся в степи. Костя жил в самом центре хутора – все-таки он хозяин. Булавин оставил своих казаков за околицей, а сам проехал дальше, остановив верного Буяна возле окружавшего опрятную просторную хату плетня, и огляделся.

Богато зажил дружок. Миновала и забылась голодная юность, когда все думы лишь о добыче и пропитании. В те времена Гордеенко ввязывался в любую авантюру и, собрав сотни сиромашных казаков, шел в лихие походы. Был он удачлив и много добра добыл. Но самое главное – не разба-

зарили долю в добыче, а вложилась деньгами в хозяйство. Затем, некоторое время побыл кошевым атаманом, заслужил уважение сечевиков, а сейчас на недолгий срок отошел от дел, и живет тихой спокойной жизнью. Не один десяток батраков в его хуторе. Атаман разводит лошадей для сечевиков, да и скотины у него немало, и от этого Гордеенко получает прибыль, а так же уважение от всего общества.

Кондрат увидел выходящего из хаты Костю и, спрыгнув с коня, пошел ему навстречу. Друзья встретились и крепко обнялись. Костя, широкоплечий здоровяк с корявым шрамом через все лицо от кривого османского ятагана, буйный в гневе и веселый с друзьями, крепко, до хруста, сжал плечи бахмутского атамана. Видимо, старый боевой товарищ хотел показать донцу, что не обабился, не заплыл жиром и по-прежнему воин.

– Силен, чертяка, – прохрипел Кондрат, с усилием, разводя руки запорожца. – Сколько лет после Азова прошло, а ты все такой же.

– А чего нам меняться, Кондрат... – Костя всплеснул руками и повернулся по двору. – Только вот хозяйством обзавелся, да оженился. Сам видишь, что теперь я что-то в жизни имею. Проходи в хату, ты как раз к обеду. А позже Лукьян Хохол появиться должен, и тогда уже о делах поговорим. Ты ведь, наверняка, не просто так в гости приехал?

– Верно, не погостить я к тебе за сотни верст мчался, – сказал Булавин, и атаманы прошли в хату.

В просторной горнице на покрытом вышитой украинской скатертью столе стояли всякие вкусности, которые по достоинству сможет оценить любой, кто хоть раз был приглашен за стол справного казака. Кондрат увидел вареники, жареную рыбу, сметану, пучки свежей зелени, а на середине запотевшую бутыл с горилкой и почувствовал, как в его животе требовательно заворчал дикий зверек по имени «голод».

Через полчаса, насытившись и выпив с Костей за встречу по кубку горилки, донской атаман отвалился от щедрого стола. Пришло время для серьезного разговора и Костя с Кондратом вышли в сад. В это же время появился Лукьян Хохол с десятком рядовых сечевиков из своего куреня. Хохол, поприветствовал прибывшего с Дона старого товарища, а затем атаманы расположились в тени раскидистой высокой груши, улепом покрытой пока еще зелеными неспелыми плодами, и завели разговор.

– Говорят, на Дону нынче неспокойно? – спросил Костя.

– Да, есть такое, – подтвердил Кондрат и рассказал друзьям о своих планах по разгрому карателей и желании поднять Дон и его союзников на борьбу с царем Петром Романовым.

Атаманы помолчали, не сговариваясь, дабы потянуть время и подумать, забили душистым табаком трубки и закурили.

– Что предлагаешь, Кондрат? – наконец, прерывая молчание, спросил Лукьян.

– Помощь ваша требуется. Ждем, что Сечь всеми своими силами поднимется. Нет мочи терпеть спесивых московских бояр, которые казаков захолопить хотят. После нас и ваш черед придет – это вы понимать должны. На левом берегу Днепра царские войска стоят, а крепость Каменный Затон переправу через реку держит и лишает сечевиков доходов. Для вас сие как ножом по сердцу, и это только начало. Думаем, что Костю, – Булавин кивнул на Гордиенко, – надо кошевым атаманом избрать. Говорят, Тимофей Финенко слишком робок, на чужое мнение постоянно оглядывается. И если его о помощи просить, ничего у нас с вами не сладится.

Гордеенко повел мощными плечами и сказал:

– Коль меня в кошевые выберут, помощь вашему делу будет. Обещаю.

– Сколько сил у запорожцев есть, чтобы нам в подкрепление прийти?

– Много войск выделить не сможем. Мазепа – прихвостень царев, под боком. В любой момент в спину ударить может. И московские полки в Киеве стоят, а помимо этого, как ты правильно заметил, Каменный Затон на левом берегу Днепра. В общем, тысяч десять сабель на Дон послать можно – это точно, а большего не жди, друг ты мой Кондрат.

– Погодите, братья, – отозвался Лукьян. – Раз такое дело заворачивается, есть предложение как гетмана Мазепу к нам привлечь.

– Говори, Лукьян, – заинтересовался Костя.

– Вы слышали про генерального судью Кочубея Василия Леонтьевича?

– Да, – сказал Булавин.

– Знаем, конечно, дружок Мазепы, опять-таки личность сама по себе богатая и влиятельная, такого на кривой козе не объедешь, – добавил Костя.

Лукиян, словно заправский заговорщик, напустил на лицо серьезную таинственную мину и пододвинулся ближе к друзьям:

– Конец их дружбе. У Кочубея мой побратим Петр Семерня служит. Так он говорит, что старый хрыч Мазепа закрутил любовь с дочкой судьи – Матреной, а она его крестница, между прочим. Гетман даже свататься приезжал, от ворот поворот получил и в ярости к себе умчался. Однако переписку с Матреной ведет, и встречи тайные полюбовные имеет.

– Вот же, греховодник старый... – удивленно сказал Кондрат.

– Дальше продолжай, – поторопил Костя.

– Все сношения их и шашни через Семерню идут, а он полюбовников, бывает, подслушивает. Мазепа говорит, что под руку Речи Посполитой отдаться готов, со Станиславом Лещинским через иезуитов переписку ведет и с королем шведским. Русский царь Карла у Смоленска караулит, и если швед на Украину повернет, выбор у Мазепы невелик, или разорение всего края, или договор с бывшим врагом. А раз так, то гетман уговаривает Матрену с ним бежать, и обещает

ее польской дворянкой сделать. Ну а Кочубей, тем временем на него в Москву доносы пишет, подозревает что-то. Только вряд ли ему там поверят. Царь Петро гетмана дюже любит, а в наших делах мало что понимает.

– Надо узнать точно, когда у гетмана с Матреной следующая встреча. Подловим голубков и поговорим с Мазепой по душам. Если он, в самом деле, готов против царя пойти, можно убыстрить события. За ним тридцать тысяч реестровых сабель, сила немалая, – сказал Булавин.

– Сделаем, – пообещал Лукьян. – Мы с Семерней постоянно письмами обмениваемся.

Костя Гордеенко задумался и, что-то решив, высказался:

– Может получится. Многие Москвой недовольны и вольности хотят. Из гетманских казаков лично Мазепе преданных только половина, а то и меньше. Остальные на Сечь смотрят или на своих полковников. Если гетман сам царю изменит, треть с ним пойдет, не больше, а если с нами заодно, почти все полки присоединятся.

– Выходит, договорились? – спросил бахмутский атаман. – Выступаем против царя?

– Да, – кивнул Хохол.

– Будет дело, – согласился Гордеенко.

Атаманы ударили по рукам, поклялись стоять заодно до самой смерти и стали готовиться к скорой поездке на Сечь.

Войско Донское. Бахмут. 10.07.1707.

– Нападай!

По пояс голый мускулистый парень, один из казаков Лоскута, держа в правой руке толстую тяжелую палку, которая по внешнему виду напоминала саблю, левой поманил меня на себя.

Делать нечего, я сам попросил лоскутовцев погонять меня по воинским наукам. Им интересно, а мне тяжело. Они к делу подошли ответственно и без малейшего намека на халтуру. Поэтому учеба по полной программе. Всего с полковником Лоскутом семь человек, и молодых профессионалов военного дела, как я их для себя обозначил, боевиков, среди них трое. Двое постоянно рядом с полковником, который занимается только ему ведомыми делами и постоянно где-то пропадает. А один всегда в Бахмуте на нашем дворе, за обстановкой присматривает и меня тренирует. Сегодня очередь Василя Чермного, которому сабли интересны больше чем огнестрелы, а значит, синяков я нахватаю столько, что потом полночи буду на лавке ворочаться.

– Ну же, чего застыл!? Вперед! – подбодрил меня Василь.

Поежившись в своем учебном доспехе, толстом полушубке с войлочным подкладом, я перехватил оружие, палку,

чуть покороче, чем у моего учителя, и начал наступление.

Шаг. Второй. Третий. Василь топает ногой и резко подается вперед. К этой манере я уже привык, он меня пугает. Но на долю секунды все равно застываю на месте.

Сновадвигаюсь вперед и собираюсь атаковать условного противника в корпус.

Замах! Рывок! И... От удара ногой в грудь, я откатываюсь обратно.

Поднявшись, я отряхнулся и спросил:

– Опять меня глаза выдали?

– Они самые, – подтвердил Василь. – Ты смотришь, куда хочешь ударить, а необходимо мой взгляд держать.

– Понятно.

– Атакуй!

Снова я пошел на Василя, а он стоял на месте. Левая нога вперед. Взгляд только на «противника». Прыжок! Выпад! Тяжелая палка своим острием должна ударить тренера в голову, но там, куда я целился, уже никого не было. Василь делает пол шага в сторону, и легко ударяет меня палкой в бок. Однако я тоже не лыком шит, не первый день по двору с учебной саблей скачу, словно антилопа по степи. Новый синяк получать не хотелось, тело среагировало само, и я отскочил в сторону.

– Неплохо. Продолжай!

Длинный шаг вперед. Палка свистит в воздухе. Мне кажется, что теперь я точно достану Василя, и снова у меня

ничего не выходит. Учебная сабля сталкивается с оружием тренера и отлетает обратно. Чермный контратакует и ловит меня на замахе. Всего полшага навстречу. Он подступает вплотную и снова толкает меня в пыль. Обидная ситуация, конечно. Но от такого мастера тумак не обида, а наука, за которую надо говорить слова благодарности.

Поднялся. Наскок. Упал.

Подъем. Атака. Получил шлепок палкой по спине.

Раз за разом атака. Затем разъяснение ошибок. Показ приемов. Работа кистью. Финты, атаки, уколы в запястье. Понял? Да. Начали. Все по новой.

Атака. Удар по ноге. Прыжок. Пощечина в лицо. И так три часа подряд. До тех пор, пока у меня окончательно не иссякли силы, и Василь, заметив это, разрешает немного отдохнуть.

С трудом, преодолевая сопротивление тела и перебарывая себя, я подошел к дому, и прислонился спиной к бревнам. Скатился вдоль стены на землю и постарался не двигаться. Рядом, присев на корточки, расположился Чермный. Тренер посмотрел в мое лицо. После этого похлопал ладонью по щеке и сказал:

– Э-э-э, Никифор, да ты бледный совсем. Переутомился. Отдых тебе нужен. Большой перерыв сделаем.

– Ничего, я еще смогу, – отозвался я, еле выталкивая из себя слова.

– Нет, отдыхай, а то сердечко может остановиться или в

теле что-то надорвется. Все надо делать своевременно, а здоровье беречь смолоду.

– Хорошо, – я сделал паузу и спросил Чермного: – Василь, вопрос можно?

– Давай.

– А вы, кто всегда рядом с Лоскутом, откуда?

– В смысле, откуда? Что тебя интересует?

– Ну, где вы родились? Где жили? Кто вас обучал?

– Вот ты про что...

Я ждал ответа, но его не было. Василь мой вопрос проигнорировал. Давить на него и повторять свои слова бесполезно. Наверняка, он только улыбнется и промолчит, а если стану ему докучать, встанет и уйдет. Странная ситуация, и если докапываться до правды, надо с другой стороны заходить, спрашивать не боевиков, а полковника Лоскута. Впрочем, полковник тринадцатилетнему парню не ответит, величина не та. Он Разинский соратник и, как поговаривают люди, один из тех, кто знает местонахождение захоронки великого атамана. Той самой, где атаман большую часть персидской и кавказской добычи спрятал. А я пока еще только сын бахмутского атамана и сам по себе никто. Ну, ничего, вскарабкаюсь наверх, заработаю уважение и, если не погибну, о многом Лоскута спрошу. Дайте только срок.

Немного отдышавшись, я повернулся к Василию, и спросил:

– Так чего, может быть, продолжим?

– Погоди, – ответил он и кивнул на площадь. – К вам важная птица приехала, а значит не до того. Я пока в сторонку отойду, а ты гостей встречай.

Действительно, на крыльце приказной избы стоял десятник Корнеев, который временно замещал батю, а перед ним несколько казаков на конях. Все они люди незнакомые, кроме одного, старого отцовского товарища и делового партнера Ильи Зерщикова, бывшего атамана Войска Донского.

Надо же, лично приехал. С чего бы это? Хотя, если подумать, все понятно. Князь Долгорукий уже свои силы собирает, а Зерщиков человек хитрый и ушлый. Такой матерый человечик никогда и ничего просто так не делает, и из всего старается выгоду извлечь. Наверняка, по станицам катается с целью узнать, как казаки к карателям отнесутся. Как-как? Ясно ведь, что всех псов царевых на сталь насадят, а сошку помельче разгонят или на свою сторону переманят.

Ладно, думки потом. Зерщиков, скорее всего и к нам в гости заедет. Следовательно, надо встретить его как полагается. Поэтому придется встать и переодеться.

– Галина, – обойдя дом и, заглянув на кухню, окликнул я сестру.

– Чего?

Она выглянула из двери и встряхнула своими роскошными черными косами.

– Зерщиков в городок приехал. Может и нас навестить. Достань кваса холодного.

– Сейчас.

Через несколько минут, более или менее приведя себя в порядок, в чистой одежде, я стоял у входа в дом. Вышел вовремя, казаки Зерщикова остались на площади, а он направился к нам. Смуглолицый чернявый бородач с вечно прищуренными хитроватыми глазами, ловко, словно молодой, спрыгнул с седла, накинул повод на плетень и прошел во двор.

– Здравствуй, Никифор, – он остановился в паре шагов от меня.

– И вам здоровья, дядя Илья.

– Где батя?

– А Корнеев не сказал?

– Нет, – поморщился бывший войсковой атаман. – Отговорился тем, что Кондрат его в свои планы не посвящает.

– Отец вроде в Белгород уехал, Ульяну навестить. Знаете ведь, что она беременна.

– Говорили мне об этом, все же родня.

– Вот и я про то же самое.

– А когда Кондрат вернется?

– Не знаю.

Зерщиков что-то пробурчал и повернулся к своему коню, но я его окликнул:

– Дядь Илья, зайди в дом. Квасу с дороги выпей.

– Холодный?

– Конечно.

– Ну, ве́ди.

Мы с отцовым товарищем, который был готов в любой момент продать его за деньги и привилегии, прошли в дом. Вместе, из больших запотевших глиняных кружек напились кваса и как бы между прочим Зерщиков спросил:

– Что у вас в Бахмуте происходит, Никиша?

– Вы о чем, дядя Илья?

– Люди в городке посторонние, а недавно разговор был, что самозванного полковника Лоскута в ваших краях видели.

– Кто же мне скажет, что происходит, – пожал я плечами. – Лоскут, если бы объявился, непременно нас навестил. Да только я его не видел. А люди посторонние, так это бурлаки из беглых, которые недавно с Дона из артели Кузьмы Самойлова пришли. Других не было.

– Может быть, так оно и есть, – Зерщиков направился к выходу.

– Дядя Илья, отцу чего передать?

– Не надо, я ему в приказной избе записку оставил.

Проводив «дорогого гостя» и посмотрев, как лошади умчали всадников с площади, я снова натянул пропотевший пыльный тулуп, взял в руки тяжелую палку, и направился на середину двора. Василь Чермный уже был здесь.

«Ну, продолжаем, – подумал я. – Краткий отдых окончен, до вечерних сумерек еще далеко и чтобы не загинуть в новом для меня времени, надо быть сильным и ловким. Следо-

вательно, придется много тренироваться и многому учиться заново. Политика и загадки прошлого – это все интересно. Но если мне отрубят голову или пристрелят, они меня волновать уже не будут. Никогда. Поэтому палку крепче в руки и пошел».

Запорожская Сечь. 16.07.1707.

– Помнишь молодость нашу, Кондрат? – спросил Костя Гордеенко друга.

– Конечно, помню, друже, – ответил бахмутский атаман.

– Вот что бы ты сделал пятнадцать лет назад, если бы на Сечь за помощью приехал?

Булавин усмехнулся и ответил:

– Вышел бы на раду, и клич кинул.

– И что было бы? – глаза запорожца улыбались, а лицо сохраняло серьезность.

– Собрал бы человек двести сиромашных, без оружия и пороха. Двинулся бы на Дон, и человек пятьдесят довел бы.

– Вот то-то же, – Костя хлопнул друга по плечу и добавил: – Пойду я, пожалуй. Вскоре начинаем, и я должен быть на своем месте. Удачи, Кондрат.

– Мы столько для успеха сделали, что она просто обязана быть с нами.

Костя Гордеенко покинул курень Лукьяна Хохла, который стоял в пределах Сечи, и направился к своему, который был неподалеку. Кондрат проводил друга взглядом, вздохнул и, ожидая того момента, когда его вызовут на раду, задумался...

Последние дни Кондрат Булавин, Костя Гордеенко и Лукьян Хохол находились в постоянном движении. Сговорившись сделать общее дело, они стали претворять свои задумки в жизнь. А для этого следовало не просто поднять казаков, но и подготовить для этого почву и заранее договориться со всеми слоями населения Запорожской Сечи. Поэтому приходилось навещать богатых и влиятельных запорожцев, убеждать казаков в своей правоте и вести долгие переговоры.

Планировалось избрать Гордеенко кошевым атаманом, и не просто так, при одной только поддержке сиромашных, среди которых Костя в сильном авторитете. Но и зажиточных казаков подмаслить стоило и своими делами повязать. Ведь за каждым таким человеком несколько десятков зависимых от его милости и помощи лихих казаков. Ко всему прочему, именно они контролировали торговлю, оружие, казну, продовольствие, склады и припасы, так что ссориться с ними себе дороже.

Наконец, к тому, чтобы провести перевыборы кошевого атамана, все было подготовлено. Казаки из куреня Хохла, разнося новости, разошлись по Сечи, а Булавину оставалось ждать момента, когда ему позволят выступить перед сечевицами.

Один за другим до Кондрата донеслись пушечные выстрелы. Пора. Донской атаман встал и направился к выходу. Рядом с ним были его донцы и несколько запорожцев. Все при оружии и, если дела пойдут не так, как запланировано, они

могли прикрыть Кондрата и обеспечить его отход.

Сечевая рада заполнилась готовыми в любой момент сорваться с места и выступить походным строем в любую часть света шумными крикливыми людьми. Большая часть казаков уже знала, по какому поводу Круг, но кое-кто, в основном из приближенных нынешнего кошевого, пока пребывал в неведении. В огромный людской круг вышел кошевой атаман Финенко. Следом куренные, а потом Булавин с донцами.

Финенко знал Кондрата, но его появлению на Сечи удивился и спросил:

– Ты народ баламутишь и раду созываешь?

– Да. Хочу братьям-казакам слово сказать.

– А чего ко мне не зашел?

– Тороплюсь. Время поджигает.

– Ладно, раз имеешь что сказать, говори.

Увидев Кондрата, многие сечевые казаки разразились приветственными криками. Немало людей помнило его по штурму Азова и некогда ходило в его сотнях. Не чужим человеком был Кондрат для запорожцев, а потому донской атаман не стеснялся. Он выступил вперед и громким уверенным голосом повел речь:

– Панове запорожцы! Кто не знает, зовут меня Кондратий Булавин. А прибыл я к вам от всего Тихого Дона, – Булавин снял с головы папаху, чинно во все стороны поклонился и продолжил: – Всему славному низовому казачеству бью челом. Прошу вас, атаманы-молодцы, встать с нами заодно,

за славу нашу казацкую, за вольности и свободу. Нет нашей мочи. Претерпеваем обиды от царевых людишек. Не можем более укрывать у себя беглый люд и свободы лишаемся. А за нами ваш черед придет, товарищи. Идут на Дон каратели царские, и мы их разобьем. Однако это война с царем Петром Романовым, и скажу, как есть, самим нам казацкую волю не отстоять. Потому просим мы у вас, братья запорожцы: пушки, людей, коней и припасы. Пока еще есть за нами сила, отобьем царевых воевод и сами на Москву пойдем. Видно, позабыли цари, как мы их на престол сажали и снимали. Пора бы напомнить.

Когда Булавин закончил речь, казаки разразились приветственными криками:

- Станем заодно с донцами!
- Слава атаману Кондрату!
- Любо!
- Бери пушки!
- На Москву!
- Не дадим вольных казаков в обиду!
- Поможем братьям!

Кошевой атаман поднял булаву и остановил выкрики:

- Не можем мы сейчас на помощь к донцам отправиться.

Клятву царю давали, что мир не порушим, и негоже ее нарушать. На Сечи останемся.

Но тут Костины подручники из сиромашных закричали пуще прежнего и заглушили голос Финенко:

- Врешь!
- Уходи с кошевых!
- Собака!
- Разъелся на казацких хлебах!
- Пошел прочь, изменник!
- Променял братство казацкое на рубли московские!
- Отдай булаву, другого атамана изберем!

Кошевой атаман скинул на пыльную землю свою шапку, положил на нее булаву, поклонился всему кругу и, молча, отошел в сторонку. Возражать сечевикам было бессмысленно и просто опасно для жизни. Поэтому отдал булаву и уходи подобру-поздорову. Окажешься правым, через годик-другой снова кошевым станешь, а пока не перечь и прими решение рады.

Старейшины казацкие, которым от Кондрата заранее было многое обещано, на изгнание кошевого промолчали, не остановили сиромашных, а некоторые даже поддержали решение рядовых сечевиков:

- Правильно, так его собачьего сына!
- Постоим, атаманы-молодцы, за казатство вольное!
- Царь Петрушка, Антихрист проклятый, веру православную на латинскую меняет, всю торговлю нам перекрыл и переправу днепровскую за собой держит!
- Не потерпим такого!
- Он сам клятвы порушил, и мы с ним более словом не связаны!

Финенко исчез, словно его никогда и не было. Сечевики успокоились, а булаву подобрали куренные атаманы.

Тут же стали выдвигать первых кандидатов в кошевые атаманы:

– Симоненко!

– Горбатенко!

– Пилипа Диденко!

Однако сиромашные и богатые сечевики, в кои-то веки, объединившись ради общей цели, дружно поддержали Костю Гордеенко. Видя такое единодушие, казалось бы, непримиримых соперников, остальные запорожцы примолкли, и новым кошевым был избран Костя.

Сам же Гордеенко, как это было заведено с давних времен, лишь только стали выкрикивать его имя, раду покинул, и находился в своем курене. За ним послали казаков, и опять же, как водится по обычаям, в первый раз он отказался. После отказа казаки схватили его под руки и потянули на круг силой, время от времени подталкивая в спину и бока, и при этом приговаривая:

– Ступай, сын собачий, будешь теперь атаманом нашим. Никуда не денешься, и не сбежишь. Сказала рада, что ты новый кошевой, не упрямыся.

Наконец, Костю притянули на круг, и старейшины, подходя к нему, слегка стегали его по спине нагайками. А рядовые казаки мазали голову грязью, дабы не забывал новый атаман, откуда он вышел, и кто его избрал.

Костя при этом, только смиренно стоял и говорил:

– Благодарю братья. Все по воле вашей делать буду. Не посрамлю чести лыцарской.

Так Костя Головка по прозвищу Гордеенко стал кошевым атаманом на всей Запорожской Сечи, и первые его приказы на этом посту были ожидаемы. Выделить пушки для донцов. Поднимать казацкие сотни. Готовить табор в путь-дорогу. Ремонтировать оружие. Делать запасы воинские. Ловить шпионов царских. И закипела Чертомлыкская Сечь, где тысячи людей, повинувшись воле Константина Гордеенко и своим собственным понятиям о правде, готовились к войне с Петром Романовым и его войсками.

Россия. Окрестности Пскова. 24.07.1707.

В конце июля 1707-го года большинство донских полков находились под Псковом. Жаркая и душная летняя ночь, а пуще всего тучами налетавшие с болот злые комары, не давали казакам житья. И дабы защититься от безжалостных кровопийц они разводили дымные костерки, а потом, сидя рядом с ними, вспоминали родину и свои семьи.

Однако не комары и духота мешали уснуть походному атаману Максиму Кумшацкому. Неясные шевеления среди рядовых казаков, сотников и полковников, и непонятные гонцы от одного полка к другому – именно это беспокоило атамана до такой степени, что трудно было глаза сомкнуть. Что-то затевалось среди казаков, назревало, и самое плохое, он об этом ничего не знал.

Словно вторя невеселым думам Кумшацкого, возле одного костра затянули песню, а еще за несколькими подхватили:

«Гой ты, батюшка славный Тихий Дон,
Ты, кормилец наш Дон Иванович!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как бывало, Дон, ты быстер бежишь,

Колыхаешься волной светлою,
Подмываешь ты, бережки круты,
Высыпаешь там, косы мелкия,
А теперь ты, наш родной батюшка,
Помутился весь сверху донизу,
Струей быстрою уж не хвалишься,
Волной светлою не ласкаешь взор.
Аль надумали твои детушки,
Погонять свои струги легкие?
Засиделись ли твои соколы,
И расправили крылья быстрыя?
Не отняли ли у них волюшки,
Не задали ли чести рыцарской?
Да, отняли всю мою волюшку,
И поругана честь казацкая!
Я созвал своих лихих соколов,
И послал разить злых насильников,
Добывать себе славу громкую,
А мне почестей, волю прежнюю»...

«Хорошо поют, гладко и от души, – подумал Кумшацкий, – но песня запрещенная, разинская. Не ровен час, услышит кто-то из пехотных офицеров, греха не оберешься. Ладно, если немчура приезжая – эти ничего не поймут. А если кто из поместных дворян? Они сразу к царю и его ближним людям жаловаться побегут».

Выглянув из палатки, атаман позвал певунов:

– Прекратить запретные песни! Отставить печаль! Давай

что-нибудь развеселое.

— А чего веселиться? — отозвались от ближайшего костра. — К нашим хатам каратели царские подступают, а мы здесь, интерес чужой защищаем.

— Кто таков!? — озлился Кумшацкий. — Ко мне! Живо!

Походный атаман вышел из палатки и к нему подбежал молодой казак.

— Кто таков? — повторил походный атаман.

Казак вытянулся во фрунт, пребывание в царском войске начинало сказываться на донской вольнице, и ответил:

— Третьей сотни, Черкасского полка, Зимовейской станицы, казак Степан Пугач, — представился он.

— Откуда сведения, что к Дону царевы войска идут?

Пугач замялся, но ответил:

— Люди с родных краев прибыли, вести принесли, по полкам ходят и говорят такое.

Кумшацкий прижал голову казака к своей и прошептал:

— Ты тех людей найди и скажи, что я с ними сегодня говорить хочу, ждать буду.

Казак кивнул головой:

— Сделаю, атаман...

Уже после полуночи, когда лагерь забылся тревожным и душным сном, к палатке походного атамана подошли двое. Один остался стоять в тени деревьев, а второй направился к атаману, который, покуривая трубку, сидел на широком пенке.

– Поздорову ли дневал, атаман? – поприветствовал пришелец Кумшацкого.

– Слава Богу! – ответил тот. – Ты кто?

– Ты меня знаешь, Максим. Я Некрасов Игнат, мы с тобой вместе у Шереметева служили.

– Вспомнил тебя, – атаман хлопнул по пеньку ладонью. – Ты офицера-немца убил, когда он солдатам зубы палкой вышибал.

– Было такое, – подтвердил Игнат.

– Зачем по полкам ходишь и людей разговорами смущаешь? Или ты подсыл царский, чтобы казаков на верность проверить?

– Нет, я не подсыл. Прямиком с Дона к вам. Сейчас, пока мы с тобой разговоры ведем, может статься, в твою станицу царские солдаты входят, беглых ищут, а у тебя зять как раз из таких. Осиротеют твои внуки, когда батьку ихнего на цепи в Воронеж потянут.

Атаман весело усмехнулся:

– Сховают зятка дорогого до поры, и никто не отыщет.

– Не в этот раз, Максим. Царь князя Долгорукого послал, и когда мы сюда ехали в Воронеже солдат из его команды видели. И ты хочешь – верь, а хочешь – нет, но только этот отряд уже к Дону подходит.

– Кто из Долгоруких? – спросил Кумшацкий.

– Юрий Владимирович, полковник.

– Да... – задумчиво протянул атаман. – Тот шутить не ста-

нет, знаю его, будет зверствовать в полной мере. От кого вы прибыли и чего хотите?

– Нас послал Кондратий Булавин из Бахмута. Он собрал на круг атаманов, и они порешили, что надо дать царю отпор. Кондрат станет новым войсковым атаманом – это точно. Все казачьи полки верхами, с тороками на заводных лошадях, по пути сжигая все военные магазины и грабя обозы, должны вернуться на Дон. В серьезный бой не вступать. От Булавина к тебе письмо имеется. Если бы ты меня не позвал, завтра я сам бы к тебе пришел.

Некрасов протянул походному атаману лист бумаги. Кумшацкий откинул полог палатки и при свете горевшей внутри свечи принялся читать послание, временами шевеля губами и про себя проговаривая слова. Наконец, он закончил и спросил:

– Полковники читали?

– Да, все, кроме тех, кто на финляндской границе службу несет. Но и к ним уже гонцы отправлены.

– Почему сразу ко мне не пришли?

Игнат усмехнулся и хмыкнул:

– Хм! А то я не понимаю, что ты бы нас сразу в колодки забил. Теперь-то казаки все знают, волнений все одно не избежать. И хоть как оно повернись, а половина полков все равно домой уйдет.

– А если я откажусь в вашем бунте участие принять?

– Неволить тебя не станем, – ответил Игнат. – Уведем ка-

заков, сколько сможем. А когда Булавин с сечевиками на Дон придет, то помни, у тебя там дом и семья, а здесь только ложь и враги. Выбирай, с кем ты будешь в одном строю стоять.

— Ладно, — сдался походный атаман — я с вами. Поутру соберем полковников и решим, как быть.

— Клянись! — потребовал Некрасов.

Кумшацкий вынул нательный крест и, поцеловав его, произнес:

— Клянусь быть заодно с атаманом Булавиным и стоять за вольный Тихий Дон до конца!

Чуть свет в палатке Кумшацкого собрались командиры казачьих полков и решили сегодня же в ночь, вернув разъезды, уходить из расположения армии генерала Боура на Дон, для начала двинувшись на Старую Руссу. Дальнейший их путь лежал на Тверь, а затем, обходя Москву, взять которую наличными силами возможности не было, идти на Тулу, где разграбить и пожечь оружейные заводы. Потом Козлов, Липецкие заводы и Воронеж, а после него уже домой.

По дороге необходимо распространять среди крестьян и рабочих воззвания атамана Булавина и забирать с собой всех желающих вступить в войско, молодых и крепких мужиков. Легкая казачья конница в количестве немало, да еще и в центре России, многое натворить могла. Большая часть царских войск в это время находилась на границе и кроме дворянского ополчения, запасных и необученных солдатских полков, противостоять им было некому.

За кого действительно переживал походный атаман, так это за три стоящие на финляндской границе полка. Ждать их времени не было, а бросать братьев жалко. Однако старшим командиром там был отличившийся в битве под Калишем Данила Ефремов, старый опытный казак, так что шансы на прорыв у них имелись. Кумшацкий написал Ефремову письмо и посоветовал прорываться через Олонец и Лодейное поле на Белоозеро, а оттуда идти за ними вслед или уходить через Вологду и Ярославль на Нижний Новгород, по пути поднимая крестьян и рассылая «прелестные» письма.

К вечеру, стянувшись в кулак, армия Максима Кумшацкого, перебив приставленных для наблюдения за казаками царских людей, подожгла имущество, какое не смогла забрать с собой, без боя миновала охранные солдатские пикеты и покинула армию генерала Боура.

Войско Донское. Бахмут. 28.07.1707.

– Мы красные кавалеристы, трам пам-пам...

Сегодня лоскутовцы всем составом умчались в степь, а сестра Галина у подруги, которая через пару дней выходит замуж, помогает с приготовлениями. Казаки чувят, что грядут некие события, которые в корне изменят их жизнь, и свадьбы будут играть не осенью и зимой, как обычно, а летом. Поэтому, напевая песенку из юности Богданова, и пользуясь тем, что сегодня дома никого и у меня своего рода выходной день, я сидел за столом и размышлял о том, о чем и каждый день, то есть о будущем. Если конкретней, проводил ревизию собственных знаний и умений.

Чем я могу помочь Войску Донскому, если мы все же победим? Как выяснилось, не многим. Богданов в жизни видел немало. Вот только он гуманитарий, а не технарь. Его знания о древних культурах пока не востребованы, и любой старик из казаков про те далекие времена, когда в Великой Степи правили князя-волки, знает никак не меньше чем он. Ну а то, что ему известно из истории России и Европы, не столь уж и важно.

В связи с тем, что восстание Кондрата Булавина пойдет в ином русле и по другому сценарию, скорее всего, изменит-

ся весь ход истории. Люди, которые совершили определенные поступки, могут умереть раньше срока, или наоборот, не погибнут геройской смертью в битве, а проживут долгую и счастливую жизнь. Соответственно, появятся указы, которых никогда не было. Бездарный полководец, герой Северной войны, вместо того, чтобы воевать с Карлом Двенадцатым, будет находиться на юге. А иностранец, который спешит в Россию за длинным рублем, до пункта назначения может и не добраться.

Итак, я один. Достал бумагу и чернила, заготовил очиненные гусиные перья и давай писать все, что помню и знаю.

История Государства Российского. Тоже мне, блин, Карамзин с Татищевым. Вспомнил несколько дат на ближайшие годы и, в общем-то, все. Остальное пока не актуально.

География. Могу нарисовать примерную контурную карту Сибири, Средней Азии и всего мира. Обязательно этим займусь, когда времени будет больше.

Полезные ресурсы. Вот это важно. Где в Восточной Украине, на Дону, Кубани и Кавказе чего есть, я представление имел. Богданов этим вопросом интересовался, и как простой работяга, и как исследователь, так что минимум сорок-пятьдесят месторождений полезных ископаемых указать смогу. Нефть, газ, уголь, металлы, соль... В будущем все сойдется.

Сельское хозяйство и новые методы агрономии. Как и большинство советских людей, про огородничество Иван Михайлович знал не понаслышке, кое-что можно двинуть в

жизнь. И самое главное — он понимал значение картошки, которую вроде бы уже завезли в Россию, вот только выращивать не научились. Пометка — в обязательном порядке уточнить этот вопрос и попробовать достать семенной фонд.

Банковское дело и экономика. Полнейшее фиаско. Ничего, кроме как купи дешевле и продай дороже, ссуди в долг и слупи проценты, я не знал.

Искусство. В голове сотни песен и немалое количество стихов. В общем-то, негусто, но не так уж и мало. Хотя и нехорошо воровать произведения классиков, того же Саши Пушкина, например, но если его предка Ганнибала после изменения истории, как царева холопа и арапское чудо-юдо прихлопнут, великий человек может никогда не родиться. И если рассуждать здраво, можно не сомневаться и использовать накопленный культурно-просветительский багаж без зазрения совести.

Еще одно направление, скорее всего, самое важное. Наука. Но что я помню из знаний Богданова? Столько же, сколько он сам, то есть чрезвычайно мало. Таблицу умножения? Так ее еще Пифагор придумал. Менделеевскую систему элементов? Разрозненные отрывки и формула спирта. Паровой движок? Нет. Двигатель внутреннего сгорания? Тоже нет. Электричество? Где ток живет, понятие имею, но постольку поскольку. Схемы грозного стрелкового оружия, вроде автомата Калашникова или винтовок? Опять же полный мрак. Да и если бы я смог нарисовать схемы, что с того? Ничего. Ведь

при современном уровне технического развития, отлить калиброванный до миллиметра патрон очень сложно, а может быть и невозможно. А помимо него нужны новые пороха, лаки и металлы. Хотя, вот про оружие задумался и осознал, что устройство простейшего гладкоствольного ружья-дробовика и патрона к нему могу расписать. Но сейчас все ружья и так гладкоствольные, и если вносить инновацию, только в мелочах. Плюс к этому, со временем, можно обдумать создание простейшей игольчатой винтовки, вроде той, что Богданов некогда реставрировал в краеведческом музее, а так же ручных гранат и миномета. Но это все потом, а пока для этого ничего нет: ни влияния, ни денег, ни специалистов, которые по моим корявым рисункам и косноязычным описаниям могли бы сделать новый образец оружия.

Что еще можно вспомнить? Составить список умных и полезных людей, которые резко выделяются из общей массы современников. Историк Татищев. Механик Нартов. Математик Эйлер и академик Ломоносов, который сейчас еще даже и не родился. Вот, наверное, и все. Для первого раза немного, но и немало. Пятнадцать страниц исчеркал своими заметками, которые в любом случае еще будут неоднократно дополняться.

За таким занятием прошло полдня. Я собрал свои записки и задумался о том, куда бы мне их спрятать. Ведь то, что я написал, уже само по себе ценная информация, и если она попадет в руки не тому человеку, могут быть проблемы. Да-

лекие предки отнюдь не глупцы, и когда надо соображают хорошо, иногда даже лучше выходцев из двадцать первого века, потому что они практики, а не теоретики.

После разных вариантов, я запаковал записки в плотную ткань, подорвал в своей комнате половицу и спрятал бумаги в подпол. Пусть лежат до лучших времен, которые обязательно когда-нибудь настанут.

Сделав свой первый тайник, я решил выйти в городок и прогуляться, так как от местной жизни и от друзей прежнего Никифора отстраняться не надо. И вскоре, прогуливаясь по улочкам Бахмута, общаясь с ровесниками, я отвлекся от тяжких дум и размышлений. Но ненадолго. Память Богданова, вот же гадство, подкинула очередное воспоминание, письмо казаков и калмыков, воевавших в Польше к светлейшему князю Александру Меншикову.

«Светлейший князь и милостивый государь Александр Данилович. Бьют тебе челом сироты вашего походного донского войска казаки города Черкаска и юртовые калмыки, которые на службе великого государя в Польше. Мы вышли из города Черкаска в начале 1707-го года и служим великому государю по нынешний 1708-й год в Польше не выезжая. Стало нам ведомо, что калмыки, которые кочуют за Волгой и по Салу забрали на Дону наших жен и детей в полон, а дома наши разорили и что было пожитков, то все забрали. Мы просим вашего светлейшего и милостивейшего указа о том, чтоб нас, сирот, отпустить домой на Дон и отыскать бы нам

у тех (калмыков) жен своих и детей. Хотя на окуп выкупить, чтоб они, калмыки, не запродали наших жен и детей в дальние страны. Светлейший и милостивейший князь государь, смилуйся над нами, сиротами своими, и не дай в конец разориться, а мы, сироты ваши, и впредь, великому государю, рады будем служить. Смилуйся, пожалуй!»

Вот ведь как было. Люди за царя и его интересы со шведами воевали, а царские прихлебатели и дикие степняки их семьи в рабство угоняли. Где справедливость и правда, и нужен ли такой царь, который подобное допускает? Справедливости нет, потому что она для тех, кто силу имеет, и готов за свою свободу биться. И я за нее любому глотку рвать стану, дабы не было такого, что детей малолеток об камни головами прикладывали, а пленных казаков вешали и по Дону плотами к морю спускали. Так пусть же каждая тварь, что на мою родную землю покусится, в нее же и ляжет.

В общем, погулять не удалось. Снова накатила забота и, посетовав на избирательную память Богданова, которая выдает целые куски текста, но не помнит, как производить динамит, я вернулся домой и до темноты возился с оружием, а что нового вспоминал, все записывал.

Так пролетел еще один день моей жизни, а следующим утром появились боевики Лоскута, предупредившие нас с сестрой, что к Бахмуту направляется сотня казаков из ближних людей войскового атамана Лукьяна Максимова. Встретаться с ними нельзя, могут взять в заложники. Поэтому

пришлось срочно собирать вещички, седлать коней и бежать в сторону Сечи.

Украина. Хутор Диканька. 05.08.1707.

Лукьян Хохол поглаживал своего коня по шее и шептал ему на ухо успокаивающие слова. Нельзя выдавать себя излишним шумом, а иначе все дело может прогореть. Генеральный судья Кочубей что-то заподозрил и запер дочь Матрену на родном хуторе Диканька. А посланный к Мазепе гонец вернулся со словом гетмана, что пока ему не предоставят девушку в целости и сохранности, никаких переговоров между ним и сечевиками не будет.

Куренной атаман вспомнил сделанный для него Семерней список с любовного гетманского письма и улыбнулся.

Престарелый, но все еще бодрый гетман писал своей возлюбленной:

«Мое сердечко, мой розовый цветок. Моя любимая и нямилейшая Мотроненько. Сама знаешь, как я до безумия люблю тебя».

Да и Матрена Кочубей хороша, постоянно отвечала ему, подогревая чувства Ивана Степановича:

«Хоть сяк, хоть так будет, а любовь между нами не отменится».

Тем временем Сечь кипела и бурлила, никто не впускался и не выпускался, казаки собирали войсковые обозы, гото-

вили и починали оружие, перековывали лошадей и не хотели, чтобы царицы шпионы раньше времени прознали о грядущем походе. Благодаря усиленным мерам по соблюдению тайны, были пойманы лазутчики: двое московских, один тульский, один гетманский и еще один из Речи Посполитой. Московских агентов долго пытали и вызнали про всю раскинутую по Малороссийской Украине шпионскую сеть, турка и ляха придержали, а через гетманского вышли на связь с Мазепой.

С гетманом договориться было жизненно важно, а потому, недолго думая, атаманы решили Матрену выкрасть. Дело это нелегкое, у Кочубея казаков для охраны родного дома хватало и, враждуя с Мазепой, он всегда был начеку. Однако за работу взялись пять лучших пластунов на всей Сечи. А еще внутри был Петр Семерня, который обещал усыпить собак и по возможности подпоить стражу.

Пластуны ушли в сторону хутора, а Лукьян с десятком казаков затаился в балке неподалеку, чтобы если будет погоня отвлечь ее и увести в сторону. Ожидание – одно из самых тяжелых человеческих чувств, но сечевики были опытными воинами, не раз в засаде турка, крымчака, москвиты или ляха караулили. Поэтому, никак не выдавая своего присутствия, терпеливо ожидали возвращения мастеров скрадывания.

Наконец, в сопровождении Семерни и Матрены появились пластуны. Они вскочили на заранее приготовленных

лошадей и обходными путями помчались в сторону Батурина, в гетманское местожительство Гончаровку.

Лукьян и его казаки до выезда на дорогу своими лошадьми затоптали их следы. Затем неспешно пересекли реку Ворсклу, миновали село Гавронцы и повернули в сторону Сечи. Где-то к полудню их догнали. За беглянкой вдогонку кинулся сам полтавский полковник Иван Искра, в эту ночь гостивший на хуторе Кочубея. Сечевики не скрывались и не убегали, но к возможному бою приготовились. Хохол и его люди достали пистолы и проверили, ладно ли выходят сабли из ножен, не заржавели ли кормилицы и поилицы.

– Стой! – донесся до сечевиков громкий окрик, и они остановились.

С полковником полтора десятка реестровых казаков, небольшой перевес над сечевиками, и Искра грозно спросил:

– Кто таковы, собачьи дети, и откуда путь держите?

Куренной атаман Искру узнал и, резко поворотив коня, рыкнул в ответ:

– А кто это лает и на вольных людей орет понапрасну?

Давно уже полковник ни от кого не получал отпора и, раскрыв рот, будто вытащенная из воды рыба, не зная что ответить, промолчал. Но вскоре он опомнился и разразился на казаков бранью. Лукьян сотоварищи ответили, и быть бы бою, но на дороге появился еще один отряд в три десятка сабель. Это Костя Гордеенко, беспокоясь за товарищей, выслал им навстречу верных казаков из сиромашных. Полковник с

реестровыми отступил и, убедившись, что ошибся, Матрены Кочубей с сечевиками не было, с пустыми руками вернулся в Диканьку.

Тем же вечером генеральный судья, справедливо решивший, что дочь похитил гетман и его люди, сел писать на Мазепу донос во многих пунктах, высказывая к нему все свои претензии. Вот такими были некоторые из них:

6. В один из последовавших затем дней, гетман говорил мне: «Дошли до меня достоверные слухи, что шведский король хочет идти на Москву и учинить там иного царя, а на Киев пойдет король Станислав с польским войском и со шведским корпусом генерала Реншильда. Я просил у государя войска оборонять Киев и Украину, а он отказался, и потому, нам поневоле придется пристать к Станиславу».

8. В этом году 28 мая сербский епископ Рувим говорил нам, что был он у гетмана в Гончаровке, и гетман при нем печаловался, что государь обременяет его требованием доставки лошадей.

9. В этом году 29 мая дочь моя призвана была им в Гончаровку крестить жидовку и в этот день, за обедом, он сказал: «Москва возьмет в крепкую работу малороссийскую Украину».

16. Мазепа несколько раз посылал полтавского казака Кондаченка и другого человека, по прозвищу Быевский в Крым и в Белогородчину к татарским салтанам и к самому хану. Кажется, это он делал для того, чтобы расположить их

к себе и, в свое время, употребить на свои услуги.

17. В конце июня 1706 года, по возвращении из Минска, Мазепа был в гостях у меня, Кочубея, и немного подгулявши, когда я, хозяин, провозгласил его здоровье, он вздохнул и сказал: «Какая мне утеха, когда я всегда жду опасности, как вол обуха». Потом, обратившись к жене моей, начал хвалить изменников Выговского и Бруховецкого, и говорил, что и сам он промышлял бы о своей цельности и вольности, да никто не хочет помогать ему, а также и муж ее.

19. Мазепа держит около себя слуг лядской породы и употребляет их для посылок без царского указа, а это не годится.

20. Государь запретил пропускать людей с левого берега на правый, а гетман этого указа не исполняет. Мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей с левого берега на правый. После чего поселила их в основанные ею слободы. Да и, кроме того, по всем опустевшим городам и селам правой стороны густо заселяются жители, уходя с левой стороны. Таким образом, правая сторона становится многолюдною, а на левой население умалилось и оставшимся жителям стало труднее содержать охотничьи (слободские) полки, и все думают уходить за Днепр.

21. На Коломацкой раде постановлено стараться, чтобы малороссияне с великороссиянами вступали в родство и свойство, а гетман до того не допускает и даже недоволен, когда узнает, что малороссияне с великороссиянами вводят хлеб-соль. От этого, между теми и другими увеличивается

удаление и незнакомство.

23. Гетман предостерегал запорожцев, что государь хочет их уничтожить, а когда разнеслась весть, что запорожцы хотят, согласясь с татарами, сделать набег на слободские полки, то сказал: «Чай нецнотливые сыны онии все, коли що мают чинити, коли б уже чинили, а то тилько оголошаються, аки дражнют!»

27. Прежде полковники выбирались вольными голосами, а теперь за полковничьи уряды берут взятки и получает уряд не заслуженный товарищ, достойный такой чести, а тот, кто в силах заплатить. Умер киевский полковник Солонина: он служил царям верно от самого поступления Малой России под царскую державу и был 20 лет на полковничьем уряде. Гетман отобрал его села и отдал своей матери, игуменье Магдалине, а оставшимся после Солонины внукам и племянникам ничего не дал. Умер обозный Борковский, оставил вдову и двух несовершеннолетних сынов. Гетман отнял у них село, которым покойник владел 20 лет по жалованной грамоте, а кроме того, взял на гетманский двор местечко, принадлежавшее уряду генерального обозного.

В конце доноса генеральный судья клялся царю в верности и жаловался, что гетман – старый греховодник, украл силой его дочь и, наверняка, будет принуждать ее к браку насильно. К посланию как свидетели приложили свои подписи полковник Искра и сотник Кованько, а рано утром из Диканьки в сторону Москвы и Киева под усиленной охраной

казаков Полтавского полка устремились гонцы.

Надо сказать сразу, что жаловался Кочубей зря. Царь Петр ему не поверил, приказал схватить вельможу и полковника Искру, а потом пытаться их.

Приказание царя было выполнено, но не полностью. Пыхнул Дон, а за ним и Малороссия. Полковник Искра, находясь в войсках, пыток избежал, а Кочубей был доставлен в Москву, но отделался травмами средней тяжести и надломленной психикой.

Малороссия. Городок Переволочна. 18.08.1707.

Из Бахмута мы с сестрой и несколько преданных отцу казаков ушли вовремя. Видимо, не зря Илья Зерщиков по станциям и городкам ездил, что-то все же узнал, хитрый лис. Однако в прямое противостояние с батей он вступать не стал, осторожничал, а навел на него Лукьяна Максимова. Тот, будучи преданным Москве войсковым атаманом, встревожился, и на всякий случай решил нас с сестрой захватить – стандартная практика для этого времени. Но его казаки ехали неспешно, и были замечены разведчиками Лоскута, которые предупредили полковника, а тот нас.

Родной городок покидали с легким сердцем. За имущество можно не переживать, работники и бахмутские казаки за ним присмотрят, а «максимовцы» ничего грабить не станут. Пока они нам не враги, а делают только то, что им приказали, и не более того.

Лошади у нас отличные. Сопровождающие казаки, старшим среди которых был недавно вернувшийся из тайной поездки к степным кочевникам порученец отца Василий Борисов, дорогу знали хорошо. Препятствий не было, а на заставах нас в розыск пока не объявляли. Отряд выехал на Муравский шлях и по нему добрался к берегам Днепра, а затем

в районе Малой Хортицы мы переправились на левый берег.

Лето стояло теплое и приветливое. И дождей в меру, и солнце светило как на заказ. Все так же, по Муравскому шляху, который длинной серой змеей петлял между холмами, хуторками, полями и садами, двинувшись вверх по течению Днепра, отряд достиг Самарских высот. Именно здесь вблизи городка Кодак собиралась армия сечевиков, готовых вскоре выступить на Дон. События на Сечи стали привлекать нездоровое внимание разных темных личностей, и батя с соратниками перебрались подальше. Можно прямо сейчас выступать в поход. Но, как я позже узнал, еще не все было обговорено с гетманом Мазепой. И пока между реестровыми и сечевыми казаками нет письменного договора, армия стояла на месте.

Лагерь запорожцев, который находился под стенами небольшого городка, меня поразил. Кругом конные дозоры и пикеты, которые держали под присмотром подходы. Само расположение войска окружено земляными валами и рвами. Наверху стояли пушки и дежурили воины. На воротах настороженные караулы, а в чистом поле не менее полутысячи человек махали саблями и пиками, вроде как тренировка. С виду нормальный военный лагерь и картина вполне ожидаемая. Однако когда я попал внутрь, здесь-то и ошалел.

Большая часть всего пространства была забита огромной людской толпой, которая постоянно перемещалась между сотнями возов, многочисленными палатками, шалашами и

навесами. И кого здесь только не было. Пропивающие перед походом последние деньги бесшабашные запорожцы. Беглые оборванные крестьяне, угрюмые и затравленные жизнью трудяги, которые готовили на кострах нехитрый обед. Починявшие оружие и точившие палаши дезертиры царской армии. Справно одетые жители Кодака, которые оказались в лагере по своим делам. Торгующие самыми разными товарами армяне и греки под большими палатками-навесами. Рядом с ними такие же палатки, где люди с явными семитскими корнями отпускали под залог имущества горилку. И тут же музыканты. Ведь когда казаки гуляют, без них никак: дудари, бандуристы, скрипачи, кобзари, барабанщики и литавристы. Шум и гам. Говор тысяч голосов, звон металла, лошадиное ржание и долетающая со всех сторон музыка струнных инструментов.

– Эх! Хорошо! – радостно выдохнул Василий Борисов, стройный светловолосый казак, неугомонный и веселый.

– Куда теперь ехать? – растерянно разглядывая хаос лагеря, спросил я его.

– Прямо, – уверенно взмахнул рукой Борисов.

Осторожно расталкивая людей лошадьми, мы проехали к майдану, большой вытоптанной площади. В этом месте посторонних и празднующихся не было. Пара деревянных строений, конюшня на полторы сотни голов, несколько мелкокалиберных пушек без лафетов и полсотни вооруженных казаков.

– Кто такие? – спросил стоящий у входа до зубов вооруженный суровый казак, с примечательными длинными седыми усами и сразу тремя пистолетами за ярким красным кушаком.

– Дети Кондрата Булавина из Бахмута приехали, – ответил ему Василий. – Где атаман?

– Туточки он, – ответил седоусый, и кивнул за спину.

Вслед с Борисовым мы с Галиной прошли в избу, и встретились с отцом. Кондрат как всегда был в делах, но для нас время выделил – свои детки приехали, а не чужие. Впрочем, долго он с нами не пробыл. Расспросил о дороге и определил на постой в палатке рядом с майданом, а потом снова вернулся к организации похода.

Мы с Галиной оказались предоставлены сами себе. Сестра занималась своими делами, вместе с казацкими женами, кто за мужьями в поход собрался, сушила лекарственные травы и делала закупки необходимых войску мелочей. А для меня наступили, наверное, самые лучшие деньки в жизни. В войске около десяти тысяч бойцов, и в каждого второго пальцем тки, можешь у него чему-то научиться. И я времени даром не терял. Чуть свет вставал и вперед, по лагерю бегать. К одному подходил, к другому, к третьему, а к вечеру от полученной информации, знаний и впечатлений, заснуть не мог.

Хочешь научиться саблей биться? Не проблема, выходи в поле и становись в общий строй, а инструктора, бывалые сечевики, тебе все покажут, обеспечат спарринг-партнерами

и поблажек не дадут. Переходишь дальше, чистка разнообразного огнестрельного оружия: самопалов, пистолей, пищалей и легких ручных бомбард. Как немаловажное дополнение, правила техники безопасности со всем этим многочисленным стреляющим добром. Не знаю, отнеслись бы ко мне по иному, не будь я атаманским сыном, но думаю, что нет. К подготовке своей смены природные казаки, сечевики в частности, относились очень внимательно и времени на это никогда не жалели.

И гулял я по лагерю дней пять, до тех пор, пока не пристроился к пластунам. Ох, и лютые мужчины, тихие и незаметные. В шинках не гуляют, держатся всегда сами по себе, а знают много. Мне с ними было хорошо и комфортно, лишних вопросов не задают, а практика идет весь день. Сидит такой молчаливый дядька на возу и кивает в сторону врытого в землю столбика, мол, видишь? Да, вижу, подтверждал я ответным кивком. Шир-хх! Со свистом по воздуху проносится напоминающий финку длинный нож и сантиметров на десять впирается в столб. После этого пластун объясняет, как и куда должен попасть клинок, дабы вражина не смог вскрикнуть и не успел сигнал тревоги подать.

Повторюсь. Мне пластуны понравились, и так бы я с ними все свое время дальше и проводил. Однако меня вызвал отец и приказал собираться в дорогу. Я спросил, куда едем, и получил ответ, которого не ожидал. На переговоры к Мазепе.

В моей истории, точнее сказать, в истории Богданова,

ничего подобного не было. Царю Петру Романову повезло. Всех своих врагов в последние пять лет он разбил по очереди, причем с разницей в полгода, максимум, год. А у меня вот оно как сложилось – Мазепа с сечевиками и донцами стоваривается. Следовательно, история в любом случае, по иному пути пойдет. Что из этого получится? Не знаю, но хотелось верить, что лучше, чем в «богдановской реальности», где все кровью умылись, и продолжали ею умываться еще очень и очень долго.

Отряд в три сотни конных казаков выступил вверх по течению Днепра. Ехали Костя Гордеенко, Кондрат и я, в должности писарчука, вроде как не просто свой человек, а родная кровь, которая в любом случае лишнего болтать не станет. Собирались недолго, и до места, где должны были пройти переговоры, добрались за сутки.

Подъехали к хорошо укрепленному городку. Время полдень. Наши казаки остались под стенами, а мы втроем въехали в замок. Встречу Мазепа назначил на нейтральной территории, в Переволочне, сотенном городке, который когда-то был основан литовским князем Витовтом для охраны Днепровских переправ. Как и в стародавние времена, городок жил за счет военных и паромщиков, а административно относился к Полтавскому полку. В центре Переволочны располагались довольно скромные укрепления, громко названные замком. Вот здесь-то и должны были состояться переговоры мятежных атаманов с гетманом всея Украины Иваном Сте-

пановичем Мазепой.

Атаманов без промедления проводили в отведенную под Круги местного начальства просторную горницу. Гетман – пожилой, но еще весьма крепкий мужчина с умными глазами и прической под горшок, в лазоревом жупане, уже ждал нас. Он сидел в кресле и обшаривал лица атаманов цепким пристальным взглядом. Все, как и было оговорено заранее, но кроме гетмана присутствовал еще один человек – виленский ксендз иезуит Залевский, личность на Украине известная.

Мазепа милостиво кивнул атаманам и задал стандартный вопрос, ответ на который он и так знал:

– Что привело вас ко мне, атаманы-молодцы? Зачем встречи искали?

Гордеенко и донской атаман переглянулись, и речь повел отец. Он повел плечами и задал встречный вопрос:

– Гетман, почему здесь иезуит?

Мазепа чуть скривил губы и ответил:

– То гость мой и представитель Станислава Лещинского, короля Речи Посполитой. Вы ведь не на торг пришли, а против царя московского бунт чинить?

– Не бунт мы затеваем, а правду защитить хотим и свободу свою отстоять.

– Пусть так, но пан Залевский останется...

– Тогда разговора не будет, – сказал отец.

После этого мы развернулись в сторону выхода. Бояться гнева гетманского не стоило. Как я говорил ранее, под стена-

ми Переволочны триста казаков и на другом берегу Днепра тысяча сечевиков во главе с Лукьяном Хохлом. Мазепа про это, наверняка, знал.

– Стойте, – задержал нас гетман и повернулся к иезуиту. – Пан Залевский, пожалуйста, обожди в соседней комнате.

Иезуит окатил нас презрительным взглядом и, что-то пробурчав, вышел. Мазепа расплылся широкой улыбкой и спокойным тоном продолжил разговор:

– Не мог от него избавиться, хорошо, что вы помогли. Давайте прямо говорить. Что предлагаете, атаманы?

Далее речь повел Костя Гордеенко, который в местных делах понимал больше отца:

– Иван Степанович, ты знаешь, что генеральный судья Кочубей и полковник полтавский Искра на тебя донос в Малороссийский приказ написали, так что дороги назад нет...

– И не только на Москву они отписали, но и киевскому губернатору, – перебил его гетман. – Но я не боюсь, заступники у меня серьезные. При нужде, сам канцлер Головкин за Мазепу слово скажет, да и царь мне верит. Впрочем, я с вами, ибо вы всерьез решили дело делать, а не как обычно, криком и набегам ограничиться.

– Ну, раз так, – продолжил кошевой атаман, – предлагаем тебе немного и немало, а стать независимым владельцем всей Малороссии. Лучшего момента, чем сейчас, может уже не представиться. Москва, шведы, ляхи и турки с крымчаками. Сейчас каждый сам за себя, и устойчивых союзов ни у

кого нет, а если мы пойдем на отделение, все получится. У тебя тридцать тысяч реестровых казаков, а если напряжешься, то и пятьдесят соберешь. За нами тридцать тысяч вольницы сечевой и на Дону двадцать будет, да беглых с двадцать тысяч, а то и более. И это без учета закубанских орд, казаков с Яика, Терека, Кубани, да заволжских калмыков, так и не принявших царскую власть. Если все заодно биться станем, победа за нами. Решайся, гетман. Москва и Речь Посполитая мнения и пристрастия быстро меняют, а у тебя жинка молодая и сила под рукой. Неужто не хочешь оставить деткам своим, что-то кроме дурной славы царского прихвостня или наоборот предателя московских интересов?

От таких слов гетман надолго задумался и, решившись, спросил:

– Чем я могу помочь прямо сейчас?

– Нам нужны пушки, порох, одежда, деньги и продовольствие для сечевиков, – начал перечислять Кондрат. – Кроме того, ясно, что сразу прийти к нам на помощь всеми силами ты не сможешь. Поэтому надо царя московского и короля шведского с Лещинским лбами сталкивать, и борьбу их усугублять. А что касательно воинов, пусть от реестра к нам для начала молодыки пойдут. Парни погуляют, опыта наберутся, и нам помощь.

В чем, в чем, а в таких материях как снабжение войск и экономика гетман соображал хорошо. Поэтому сразу ухватил быка за рога и начал перечислять:

– Пушки будут вместе с нарядом, и припас для них выделим. По требованию царя Петра я не один армейский магазин в Малороссии организовал, так что проведем ложные набеги, имущество увезем, а потом все на татар, ляхов и шведов спишем. Хлеб есть в Чернигове, дам пятнадцать тысяч четвертей. Одежда на десять тысяч человек будет. Денег выделю тридцать тысяч золотых червонцев, – на секунду Мазепа запнулся, видимо, решал что-то, и продолжил: – Теперь, насчет подкреплений. Молодыки и без моего ведома уходят, я знаю, что ваши люди по селам ходят и в поход их зовут. Пусть идут, я не против, но требую, чтобы они определялись вместе с реестровыми казаками, шли отдельным войском и под командованием моего человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.